

ДМИТРИЙ ОЛЬШАНСКИЙ

КРЕСТ, ОРЁЛ И ПОЛУМЕСЯЦ

Последний крестовый поход

12+

Дмитрий Олышанский

**Крест, орёл и полумесяц. Часть
1. Последний крестовый поход**

«Автор»

2020

Ольшанский Д.

Крест, орёл и полумесяц. Часть 1. Последний крестовый поход /
Д. Ольшанский — «Автор», 2020

На дворе XV век. Византийская империя истекает кровью и не в состоянии защитить свои земли от могущественного Османского государства. Перед непобедимым турецким воинством склоняются города, страны и целые народы. Лишь немногие из христианских правителей находят в себе смелость бросить вызов мусульманскому владычеству на Балканах. Один из них – молодой король Владислав. Получив поддержку папы римского, он спешно собирает войска, готовясь нанести удар в самое сердце Османской империи. Борьба идет не только на поле брани, но и посредством дворцовых интриг и тайных союзов, в которые оказываются вовлечены самые могущественные люди этого времени...

© Ольшанский Д., 2020

© Автор, 2020

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.	63
-----------------------------------	----

Хорошо было бы не родиться на свет или умереть еще ребенком, чтобы избежать тех испытаний, которые выпали на мою скорбную долю. Но, видимо, Богу было угодно сохранить мне жизнь, чтобы я поведал обо всем, что видел и знаю.

С тяжелым сердцем начинаю свой рассказ, ибо воспоминания о прошлом, словно острые кинжалы, вонзаются в мою израненную душу. Многие из тех, кого я любил, навсегда канули в пучину этих страшных событий. Воспоминания о них всегда будут жить со мной, но я хочу, чтобы и после моей смерти ни одно имя не было предано забвению.

Человеческая память – вот единственное средство, способное одолеть смерть. Бессмертен тот, чье имя и деяния будут помнить и чтить сквозь века, и только такая жизнь имеет хоть какой-нибудь смысл.

Именно поэтому я не прекращаю свой труд, стараясь воссоздать и изложить все то, чему я сам был невольным свидетелем или узнал впоследствии.

Друзья и враги, греки, турки и латиняне, императоры, короли и султаны, полководцы и простолудины – все они достойны упоминания, и эта история будет целиком посвящена им. Жизни и судьбы этих людей столкнулись в смертельном противостоянии много лет назад – такую роль им уготовил Господь.

И пусть спустя тысячелетия, до самого конца существования мира, в людях живет память о тех, кто сложил свои головы под стенами древнего Константинополя весной 1453 года.

Запись, сделанная в монастыре св. Ясона и Сосипатра, 1466 год

Глава 1

Франдзис

Лето 1443 года. Селимврия

Я собирал в дорогу все необходимое и отдавал последние распоряжения.

Мой господин – благородный Константин, деспот Мореи¹ и брат нынешнего императора Иоанна VIII – просил меня как можно скорее вернуться в Константинополь. Неизвестно, какие дела заставили его так скоро вызвать меня из Селимврии, однако я несказанно обрадовался этому.

Константинополь был моим родным домом, где я провел детство и юность, где жила моя семья и были похоронены мои предки. Сейчас этот некогда величественный город пришел в ужасное запустение и представлял весьма печальное зрелище. А вместе со столицей медленно угасала вся империя ромеев².

Я много читал об истории Константинополя и часто рисовал в своем воображении его ослепительный образ, который сгинул в глубине веков. Каким был Новый Рим во времена своего расцвета?

То был город златоглавых храмов и роскошных дворцов, зеленых садов и помпезных сооружений, театров и широких площадей. Лучшие архитекторы в течение столетий трудились над созданием его облика, а со всех уголков земли сюда свозились бесчисленные богатства. О сокровищах Константинополя ходили легенды, и многие путешественники желали удостовериться в их подлинности. «Город из золота и мрамора» не имел себе равных ни в чем и по праву назывался столицей мира!

¹ Морейский деспотат (располагался на территории Пелопоннеса) являлся одной из провинций Византийской империи. Как правило, провинцией управлял кто-то из членов императорской семьи, который носил титул деспота.

² Империя ромеев – так византийцы называли свое государство. Ромеи значит «римляне».

Вот зрелище, достойное того, чтобы на него оглянулся бог, созерцая свое творение!³

Воистину, это были золотые времена нашей великой и просвещенной цивилизации! Константинополь рос, богател и процветал, в то время как власть могущественных василевсов простиралась почти над всем Средиземным морем, охватывая три континента...

Что осталось нам от той великой державы? Всего лишь счастливые воспоминания.

Год за годом, словно пораженное каким-то страшным недугом, государство ромеев неуклонно слабело под давлением внешних и внутренних обстоятельств. Все, что оставалось сейчас от тысячелетней империи, – лишь несколько городов да ряд островов в Эгейском море.

Но по-прежнему Константинополь все еще был столицей и там властвовал православный император, а значит, сердце нашего народа продолжало биться.

Стук в дверь прервал размышления – на пороге тяжело дыша стоял мой секретарь Алексей. Юноша уже давно завоевал любовь всех местных прелестниц. Русые спадающие до плеч волосы, большие карие глаза и невероятная эрудиция не могли остаться незамеченными в этом небольшом провинциальном городке. Если бы не природная скромность и чувство меры, Алексей уже давно пропал в объятиях какой-нибудь состоятельной матроны.

В руках юноша держал запечатанный свиток. Судя по взмыленному виду Алексея, дело было особой важности.

– Проходи, Алексей, – пригласил его я. – Что это у тебя?

– Письмо, – немного отдышавшись, ответил он. – Гонец просил передать как можно скорее.

– От кого оно? – поинтересовался я.

– От нашего апокрисиария⁴ в Риме, – ответил Алексей, делая шаг к столу.

«Что за новости могли прийти из Рима?» – подумал я, принимая послание. Но, внимательно прочитав написанное, понял, что новостей действительно много.

– Спасибо, Алексей, – сказал я, откладывая письмо в сторону. – Что там с моим отъездом? Уже все готово?

– Да, – ответил он, немного замаявшись. – Но только... Я хотел бы отправиться вместе с вами.

Алексею не было еще и двадцати лет, он происходил из знатного, хотя и обедневшего рода. Вот уже пять лет, как я взял его на службу. Он отличался исключительной сообразительностью и находчивостью, а кроме того обладал склонностью к иностранным языкам, что позволяло брать его с собой в различные дипломатические миссии.

– Ты нужен мне здесь, – решительно сказал я. – До тех пор, пока император не принял иного решения, я его наместник в этом городе, и мне нужен человек, который будет извещать меня обо всем, что здесь происходит.

Алексей понимал, что спорить бесполезно, и потому лишь молча кивнул в ответ.

– Обещаю, вскоре ты тоже сможешь навестить своих родных в столице, – улыбнулся я, стараясь его приободрить. – Но дела государства прежде всего, и ты должен это понимать.

– Можете на меня положиться, – без особой радости пообещал Алексей. – Что мне следует передать гонцу? Пусть ждет ответа?

Я еще раз взглянул на свиток и, немного подумав, сказал:

– Нет, ответа не будет. Я лично передам императору это письмо, и пусть василевс⁵ решает, какие действия следует предпринять. А теперь можешь идти и сообщи посланнику, чтобы переночевал у нас, а завтра утром пускай отправляется в обратный путь.

Алексей отрывисто кивнул и вышел из комнаты.

³ *Ecce spectaculum dignum, ad quod respiciat intentus open suo deus* (лат. Сенека).

⁴ Апокрисиарий – дипломатическая должность в Византийской империи. Зачастую так называли послов.

⁵ Василевс – титул византийских императоров.

Когда дверь захлопнулась, я протер усталые глаза и медленно поднялся из-за стола, чувствуя, как кровь наполняет онемевшие мышцы. На улице уже вечерело, и лучи заходящего солнца струились в комнату через настежь открытое окно кабинета, окрашивая стены в ярко-розовый цвет. Стояла невыносимая духота, и потому я решил немного прогуляться по саду, который манил свежестью и обещал спасение от вездесущего зноя.

Во время прогулки еще раз перечитал письмо из Рима. Новости были великолепными! Эти несколько строк вновь вселили в мое сердце надежду, что все принесенные нашим народом жертвы оказались не напрасны.

Прошло почти три года с тех пор, как папа Евгений IV объявил крестовый поход против турок. Османская империя вновь набирала силу, и следовало во что бы то ни стало положить конец ее притязаниям на земли Восточной Европы.

Этот поход в первую очередь был нужен Константинополю, который в течение многих столетий сдерживал волны арабских и турецких завоевателей. Теперь его сил едва хватало для обороны собственных предместий, и помощь с запада была нужна как никогда.

Ради спасения своей родины император Иоанн лично отправился во Флоренцию, где признал верховенство римского папы в делах церкви и пошел на другие уступки, которых требовали от него латинские епископы. Такова была цена военной помощи, и, хотя соглашение было подписано четыре года назад, до сегодняшнего дня я сомневался, что Святой престол предпримет хоть какие-то решительные действия против турок.

Однако сейчас в своих руках я держал доказательства обратного!

В письме сообщалось, что молодой венгерский король Владислав III подготовил армию во главе с прославленным полководцем Яношем Хуньяди, который уже не раз отличался в боях с османами. Сербский правитель Георгий Бранкович также обещал оказать походу всю возможную помощь. К союзу против турок примкнул и караманский эмир Ибрагим-бей, который своими кровавыми набегами опустошал восточные провинции Османской империи и вынуждал султана держать здесь значительные силы.

Более благоприятного момента для наступления представить было трудно, и папа Евгений IV в этом письме заверял императора Иоанна, что войско крестоносцев выступит в поход еще до конца лета.

Новости были прекрасными, но я всегда с недоверием относился к латинянам и хорошо понимал, что вовсе не из благородных побуждений папский престол решил помочь нам в борьбе с турками.

Православная вера – это все, что наш народ сумел сохранить во времена бесконечных смут и потрясений. Именно она до сих пор спланивала нас и помогала оправиться от горьких поражений.

Но теперь мы должны были отказаться и от нее.

Церковная уния, которую подписал наш император Иоанн VIII от имени своих подданных на Флорентийском соборе, ставила православную церковь в зависимость от Рима. Эта мера была вынужденной – западные монархии не спешили помогать тем, кто не разделял их веру.

«Потерять душу, чтобы спасти тело», – так трактовали унию многие видные философы и священники. Однако сомнения не покидали меня: сможем ли мы спасти тело, даже продав свою душу?

Я хорошо помню день возвращения императора в Константинополь после подписания унии. Мертвая тишина повисла тогда над городом. Люди безмолвно взирали на своего повелителя, и в их глазах читались самые горькие чувства: разочарование, гнев, тревога и страх. Никто не приветствовал императора, и единственным звуком, сопровождавшим Иоанна по дороге в свой дворец, был одинокий стук подков его лошади.

Из скромности я не посмел сообщить императору свою точку зрения. Но на мой взгляд, судьба восточных христиан не волнует никого на Западе. В них по-прежнему видят лишь схиз-

матиков и еретиков, которые никак не хотят принять латинскую веру. Это противостояние длится столетиями, а старые обиды забыть непросто, особенно если из-за них пролилось так много крови...

Так рассуждал и покойный Мануил, отец нынешнего императора. Однажды он призвал юного Иоанна к себе и сказал ему:

– Помни, сын мой, османы больше всего на свете опасаются нашего союза с латинянами, поскольку думают, что такой союз может принести им много бед и несчастий от стран Запада.

Если же латиняне вновь будут настаивать на объединении церквей, как это было раньше, будь в этом деле их верным союзником, особенно когда тебе необходимо запугать турок. Но не предпринимай ничего, чтобы воплотить унию в жизнь, поскольку твои подданные никогда не согласятся на это, ибо латиняне причинили им слишком много зла. Произойдет великая смута, и она толкнет православных в руки нечестивых мусульман.

Такие слова внушал мудрый император своему сыну, и я один был тому свидетелем. Однако Иоанн все исполнил иначе, опасаясь больше турок, нежели смятения среди своих подданных.

Прежде чем отправиться на Флорентийский собор, Иоанн известил султана о своих намерениях, заверил в своей дружбе и верности ему. Однако умный и проницательный Мурад быстро распознал ложь и спросил посланников императора:

– С какой же целью ваш государь едет в Европу?

– Это вызвано финансовыми затруднениями, – отвечал апокрисиарий Андроник Иагр, как ему было велено. – Император едет просить займа у европейцев.

– Мне не кажется правильным, что ваш государь утруждает себя такой дальней поездкой, – возразил Мурад. – И чего он добьется в Европе? Лучше ему было бы обратиться ко мне, и, если император испытывает нужду в деньгах или в чем-либо еще, я готов возместить за него долги и дать много больше сверх того!

Так говорил султан, прекрасно понимая, какую игру затеял против него Иоанн. Османский владыка более всего ненавидел двуличие и, желая проучить императора, повелел осадить Константинополь. Впрочем, вскоре он смягчился и отозвал свою армию назад, поддавшись уговорам первого визиря Халиля-паши, давнего союзника греков.

Но недолго радовались ромеи – на смену мусульманским ордам пришли латинские епископы. Они желали самолично убедиться в том, что греки склонились перед Римом. Самодовольные агенты понтифика и не подозревали, что среди населения Константинополя растет недовольство. Никто не собирался мириться с новыми порядками, и первым, кто заявил об этом во весь голос, стал митрополит Марк Эфесский. Будучи другом императора, он демонстративно отказался от сана патриарха и поклялся, что до самого последнего вздоха будет бороться с постулатами Флорентийского собора. Вокруг него тут же сплотились все, кто выступал против унии, его поддерживали монахи, придворные, епископы, простой люд. Проповеди Марка всегда собирали толпы горожан и пользовались успехом, ибо ненависть к латинянам всегда была велика.

Раскол в обществе нарастал день ото дня и грозил перерасти в гражданскую войну. Стремясь предотвратить кровопролитие, Иоанн приказал заключить Марка Эфесского под стражу. Но даже в заключении неутомимый митрополит продолжал свою деятельность. Когда же император по просьбе подданных вернул ему свободу, ликующая толпа наполнила улицы Константинополя и с почестями встречала возвращение митрополита Эфесского.

Только тогда Иоанн окончательно понял, что проиграл. Он и сам уже начинал сожалеть о своем решении, понимая, что уния с западной церковью приносит одни несчастья и без того страдавшемуся народу. Но он не желал разрывать соглашение с римским папой, который требовал немедленно исполнить взятые на себя обязательства. Оказавшись таким образом в

положении *has lupi, has cani*⁶, император вел двойную игру: с одной стороны, не отрекался от унии, с другой – не торопился претворять ее положения. Однако это приносило лишь новые беды для раздираемого смутой города.

Единственным выходом мог бы стать удачный военный поход против османов. В таком случае ромеи увидели бы, какую пользу принесло объединение двух церквей. Но годы шли, а помощи с запада все не было...

И вот – случилось! Христианская армия двинулась на восток! Если крестоносцам улыбнется удача – турки навсегда будут изгнаны из Европы, если же Фортуна окажется на стороне османов... Для христиан на Балканах наступят темные времена.

Солнце почти скрылось за горизонтом, и я уже собирался вернуться обратно в свой кабинет, когда услышал шаги за спиной. Обернувшись, я заметил человека, который неподвижно застыл в тени деревьев. Нижняя часть его лица была закрыта маской, а из-под надвинутого капюшона смотрели холодные, как свет мерцающих звезд, глаза. Непонятно, как этот незнакомец мог очутиться здесь, в окруженном высокой стеной и бдительной стражей поместье императорского наместника. Мое сердце учащенно забилося – первой мыслью было немедленно позвать на помощь, однако что-то удержало меня.

«Кто ты? И что здесь делаешь?» – спросил я как можно спокойнее, стараясь не выдать волнения.

Человек ничего не ответил, а лишь неспешно приблизился. Я старался сохранять хладнокровие, хотя в случае внезапного нападения защищаться было нечем. Оказавшись рядом со мной, незнакомец вытащил из рукава аккуратно свернутый лист бумаги и, не говоря ни слова, протянул его мне. Как только я принял посылку, он развернулся и скрылся в глубине сада так же бесшумно, как и появился. Проводив странного гостя взглядом, я оставался стоять неподвижно, различая лишь тихий шелест листвы да отдаленное ржание загоняемых в стойло лошадей.

Не знаю, сколько времени прошло, прежде чем я сумел взять себя в руки. Лишь убедившись в том, что в саду никого больше нет, я аккуратно развернул письмо, пытаясь прочитать его содержимое, однако в сгустившейся темноте не смог разобрать ни строчки. Вернувшись в дом, я поднялся в свой кабинет, плотно прикрыл за собой дверь и при слабом свете настольной свечи прочел следующее:

«Ромеи! Отныне вы можете спать спокойно – в ближайшее время султан не будет тревожить ваши границы и угрожать вашим поселениям. Вскоре Мурад получит страшные новости из Амасии о своем сыне. Старайтесь использовать этот момент для того, чтобы вернуть себе утраченные земли и освободить их от ига османов».

В конце была подпись: *«Друг греков».*

После появления таинственного курьера содержание письма не слишком удивило меня. С моей стороны придавать какое-либо значение написанному было бы величайшей глупостью. Вполне возможно, кто-то решил таким образом подшутить надо мной.

Я еще раз взглянул на исписанный листок. Почерк был незнаком. Тогда я убрал письмо и попытался забыть о происшедшем, однако мысли неперестанно возвращались к этому странному гостю и его посланию.

«Ну хорошо, – рассудил я. – Если в записке написана правда, то содержание ее будет легко проверить – «страшные вести из Амасии» султан Мурад мог получить только об одном из своих сыновей – Алаэддине. Если с ним действительно что-то случится, скрыть это никак не удастся, и новость быстро достигнет Константинополя. Следовательно, надо лишь немного подождать...»

⁶ Дословно: «здесь волки, там собаки» (лат.). Другими словами, оказаться в затруднительном положении, то есть «меж двух огней».

Глава 2

Халиль-паша

Дебют

Султан великой Османской империи Мурад II был сражен страшным горем. Его любимый сын, наследник престола Алаэддин Али погиб от рук неизвестных убийц. Уже третий день султан не выходил из своих покоев, никого не принимая. Даже великий визирь Халиль-паша боялся беспокоить повелителя в столь скорбный час.

Три дня и три ночи оплакивал Мурад смерть своего сына, проводя это время в неустанных молитвах, не смыкая глаз и почти не притрагиваясь к еде.

Не прошло и шести лет с тех пор, как тяжелая болезнь унесла жизнь старшего наследника – Ахмета, на которого султан возлагал большие надежды. Тогда, как и теперь, Мурад всей душой жаждал удалиться от дел, пожить в покое и уединении. Бесконечные войны и дворцовые интриги смертельно утомили его. Впрочем, он понимал, что не может покинуть свой трон сейчас, когда армия крестоносцев выступила в поход против его империи. Чтобы справиться с новыми угрозами, нужно было вновь собирать войско, но известие о смерти Алаэддина лишило Мурада сил заниматься вопросами государства. Перепоручив это великому визирю, султан закрылся в своих покоях, желая побыть наедине со своим мыслями.

Приняв власть из ослабевших рук повелителя, Халиль-паша всеми средствами пытался предотвратить надвигающуюся катастрофу. По его приказу был созван диван⁷, на котором предстояло решить вопрос о противодействии крестоносцам, которыми руководил знаменитый полководец Янош Хуньяди. За минувший год этот венгр дважды наносил поражение османским войскам, освободил захваченные турками земли Венгрии и теперь, поддерживаемый христианским населением, переправлялся через Дунай, вступив на территорию Сербии.

Положение Османской империи было угрожающим!

Борьба с вечно враждебным Караманом истощила силы государства, и теперь, едва заключив хрупкий мир на востоке, османам приходилось изыскивать силы для отражения угрозы с запада. Территорию государства продолжали опустошать многочисленные мятежи и бунты, которые некому было подавлять. Османская империя, спаянная железной волей султана Мурада, была готова развалиться в любой момент, и для ее спасения требовались решительные меры.

Заседание дивана затягивалось, слов говорилось много, а никаких конкретных решений так и не было принято. Многие сановники, уставшие от бесконечных споров, мечтательно поглядывали во двор, где ловкие слуги сновали с подносами, полными различных кушаний для опочивальни повелителя.

Тревога перед вторжением крестоносцев быстро уступала место размышлениям о будущем правящей династии. Ведь, кроме самого султана, в живых оставалось только два ее представителя. Это были младший сын Мурада Мехмед и его дальний родственник Орхан, который ныне находился в Константинополе при дворе императора Иоанна. Вельможи сходились во мнении, что необходимо призвать Мехмеда ко двору в Эдирне, однако Халиль прекратил пустые споры и потребовал вернуться к нависшей над империей угрозе со стороны крестоносцев.

– Необходимо заключить перемирие с королем Владиславом, – предложил Исхак-паша, первый после визиря сановник в государстве. – Наша казна слишком скудна, а времени слишком мало, чтобы собрать достаточную армию и перебросить ее на запад.

– Неверные зашли слишком далеко, – возразил ему Турахан-бей, убежденный сединами ветеран многих сражений, чья воинственность лишь укрепилась с годами. – Их армия уже

⁷ Диван – высший орган управления Османской империи, который состоял из высших сановников империи.

марширует по территории Сербии! Нужно остановить Хуньяди любой ценой и лишь после заключить мир на наших условиях!

– Войско крестоносцев увеличивается с каждым днем, – вторил ему невозмутимый и осторожный Саруджа-паша. – Если мы не вмешаемся сейчас, то потеряем контроль над балканскими землями.

– А если вмешаемся и потерпим поражение? – не сдавался Исхак-паша. – За истекший год неверные уже дважды одерживали победу над нашими войсками!

Напоминание о горьких поражениях резко обострило споры.

– Давно уже пора призвать к ответу тех, кто повинен в наших неудачах! – крикнул Касым-паша, молодой и подающий надежды бейлербей западных провинций империи. – Только тогда у военачальников пропадет желание сдаваться в плен неприятелю.

– Кого ты имеешь в виду? – ехидно спросил Саруджа. – Может быть, Шехабедин-пашу?

– Именно его! – оживился Касым. – Такие полководцы – позор для нашей армии. Из-за таких, как он, неверные осмелились бросить вызов Османской империи, полагая, что среди сынов Аллаха не найдется достойных воинов, чтобы проучить их!

– Шехабедин доказал свою несостоятельность, – согласился Исхак. – Не следовало платить за него выкуп, а если и платить, то лишь затем, чтобы потом передать в руки палачу!

– Пусть для начала отчитается перед повелителем за свое семилетнее пребывание на посту бейлербея Румелии, – усмехнулся Касым. – Думаю, там за ним водится достаточно грехов, чтобы падишах самолично отправил его на плаху.

Эти слова были встречены с одобрением, однако Халиль уже устал от пустой болтовни.

– Не забывайте, что именно султан возвел Шехабедин в должность бейлербея Румелии, – напомнил визирь. – И только повелителю решать, жить ему или умереть.

Вельможи склонили головы в знак согласия.

Халиль и сам не питал любви к Шехабедину-паше. Заносчивость и высокомерие этого человека, посеянные на благодатную почву султанской милости, усиливались год от года. Как полководец Шехабедин показал себя с наихудшей стороны, что особенно проявилось в битве у Железных ворот, когда его восьмидесятитысячная армия была наголову разбита венграми под командованием все того же Яноша Хуньяди, у которого под рукой было не более двадцати тысяч воинов. Сам же Шехабедин попал в плен и был выкуплен султаном за баснословные деньги.

– Что касается вторжения христиан... – Визирь провел рукой по своей пепельной бороде. – Думаю, что перебрасывать наши армии с востока бессмысленно, для этого у нас нет ни времени, ни средств, поэтому приказываю...

Халиль выдержал небольшую паузу и, оглядев совет внимательным взглядом, кажется, принял окончательное решение.

– Турахан-бей, – обратился он к пожилому полководцу. – Ты сию же минуту отправляешься в Пловдив. Тебе следует организовать оборону города и подготовить все необходимое для нашей армии, которая пройдет через этот район.

– Будет исполнено, – кивнул военачальник.

Затем визирь повернулся к Касыму-паше:

– Ты будешь отвечать за подготовку армии. Я наделяю тебя для этого всей властью. Костяк нового войска составят воины, которые только что вернулись из Анатолии, к ним присоединятся отряды янычар из Эдирне, можешь также рассчитывать на подкрепления из Софии и Видина. Только поторопись – к сентябрю армия должна быть готова. Ты все понял?

– Армия будет готова в срок! – живо откликнулся Касым, радуясь возможности показать себя в деле. – Благодарю за оказанное доверие.

– Вот и решено, – сказал визирь, собираясь уже объявить об окончании заседания, но тут его прервал один из присутствовавших в зале санджак-беев⁸.

– Мудрый Халиль, ты, кажется, позабыл обо мне! – послышался звучный голос, выдававший в его обладателе иноземца. – Неужели у тебя не найдется задания и для моих храбрецов?

Все взоры тут же устремились на высокого чернобородого мужчину с орлиным носом и отважным взглядом воина, презирающего опасность. Этим человеком был Искандер-бей – талантливый полководец и любимец самого султана, в жилах которого текла албанская кровь.

– Неужели ты успел пресытиться жизнью в столице? – снисходительно поинтересовался Халиль. – Повелитель высоко ценит твоё общество и не хочет отпускать тебя.

– Полагаю, повелитель простит мою дерзость, когда я принесу ему голову Яноша Хуньяди на золотом блюде!

Халиль призадумался. До сих пор Искандер-бей не знал поражений. Получив свое грозное прозвище в честь Александра Македонского⁹, он, казалось, достиг вершин воинской славы. Неудивительно, что теперь он хочет померяться силой с одним из лучших христианских предводителей.

– Хорошо, – согласился Халиль. – Отправляйся в свой санджак и собирай верных людей. Ты присоединишься к армии Турахана в Пловдиве.

Искандер приложил руку к груди и поклоном поблагодарил визиря за оказанную милость.

– На этом все! – сказал визирь, взмахнув худощавой рукой. Один за другим вельможи стали покидать зал совета, и вскоре комната опустела.

Выждав некоторое время, Халиль тоже направился к выходу, надеясь, что на этот раз сумеет избежать вопросов о здоровье падишаха. Вопросов далеко не праздных, учитывая, что султан вот уже несколько дней не появлялся перед взорами подданных. Но что мог ответить Халиль, который и сам уже не раз тщетно обивал порог государственной опочивальни, рассчитывая на краткую аудиенцию!

Очутившись в полутемном дворцовом коридоре, освещаемом лишь слабыми бликами светильников, Халиль двинулся в сторону своего кабинета, однако почти сразу же услышал за своей спиной чьи-то мягкие шаги. Накопившийся за долгие годы смертельный страх заставил его обернуться, однако свет факела выхватил из темноты хорошо знакомые черты главного хранителя султанских покоев. Широкое, лоснящееся лицо кизляра-аги¹⁰ светилось белоснежной улыбкой, которая казалась не менее фальшивой, чем льстивые речи, которые изливались из его уст.

– Сегодня вечером повелитель ждет вас у себя, – прошептал он так, словно кто-то в этом пустом коридоре мог услышать их разговор. Впрочем, Халиль не сомневался, что кто-то его все-таки слышит, ибо дворец султана бережно хранит свои тайны, но едва ли человек сам сумел бы сохранить их, находясь в пределах дворца.

Халиль коротко кивнул, стараясь не выдавать охватившего его волнения: зачем повелитель хочет видеть его под покровом ночи?

Тем временем евнух отвесил поклон и бесшумно растворился во тьме коридора, оставляя визиря один на один со своими мрачными мыслями.

Итак, падишах решил прервать свое уединение и переговорить с ним наедине. Но к чему такая тайна?

За долгие годы службы у Мурада визирь так и не смог привыкнуть к неожиданным приключениям своего государя.

⁸ Санджак-бей – правитель санджака, т.е. военно-административного округа Османской империи.

⁹ Мусульмане Малой Азии и Ближнего Востока называют Александра Македонского Искандером Двурогим из-за формы шлема с крыльями, который издали можно было принять за рога.

¹⁰ Кизляр-ага – глава придворных евнухов.

Однако стоило признать, что Мурад был действительно выдающимся правителем и поступки его хотя и были неожиданными, но всегда шли на пользу империи.

За время правления султана Османское государство достигло небывалого доселе могущества. Мурад сумел закончить дело своего отца и восстановить империю, которая чуть было не прекратила существование после вторжения ужасного Тамерлана. Все двадцать лет своего правления султан провел в бесконечных войнах против недружелюбных восточных соседей и алчных западных правителей, подавляя при этом многочисленные восстания внутри самого государства.

И все же по своей натуре султан был миролюбивым человеком, который предпочитал военным походам и кровопролитным сражениям общение с философами и поэтами. Он не раз всерьез помышлял, чтобы удалиться от власти, и охотно делился этими мыслями со своим визирем. Однако Мурад слишком хорошо сознавал, какая огромная ответственность лежит на его плечах, и потому продолжал ежедневно трудиться на благо своей державы.

И среди друзей, и среди врагов султан прослыл справедливым и добрым человеком. Те, кому довелось лично общаться с Мурадом, отмечали его проницательный ум и широкий кругозор. Благодаря своей начитанности он мог на равных спорить с видными учеными и богословами. При этом султан благосклонно относился к каждому, кто проявлял интерес к знаниям, и сам не жалел денег на возведение все новых мектебов и медресе¹¹.

Именно при Мураде у власти окончательно закрепились старая османская аристократия во главе с Халилем-пашой. Ее представители занимали ключевые посты в государстве, практически полностью контролируя экономику, армию и внешнюю политику Османской империи. Ставленники великого визиря легко добивались новых должностей и укрепляли свое положение, жертвуя немалые суммы на насущные нужды султана.

Свою неоспоримую власть Халиль направил на то, чтобы установить мирные отношения с соседями, полагая, что лучше укреплять могущество Османской империи деньгами, а не мечом. Такая политика приводила в бешенство янычар и сипахов¹², для которых война была главным ремеслом и смыслом жизни. Но визирь мог не обращать внимание на ропот военных, у него были свои верные отряды тимариотов¹³, которые получали земельные наделы за свою преданность лично ему.

Халиль был настолько самоуверен, что даже не скрывал своей дружбы с греками, древнюю культуру которых высоко ценил и уважал. Посланники из Константинополя всегда могли рассчитывать на радушный прием. В свою очередь император Иоанн не скупился на подарки и для самого Халиля, что позволило несколько смягчить политику султана в отношении Рومании¹⁴. Однако влияние визиря все же не было столь велико, чтобы окончательно избавить греков от турецкого нашествия. Многие города так или иначе оказались под властью османов, и для новой войны нужен был лишь повод.

Дождавшись положенного часа, Халиль направился в покои повелителя. Смутно догадываясь, с какой целью султан позвал его к себе, визирь взял все необходимое: чернила, перья и стопку чистой бумаги – длительная служба у Мурада научили его предусмотрительности.

Перед покоями султана его ожидал мускулистый чернокожий евнух, неусыпно стороживший покой своего хозяина. Почтительно склонив голову, слуга промолвил:

¹¹ Мектебы и медресе – учебные заведения на территории Османской империи. В мектебе обучали грамматике, чтению, а также основам ислама. Выпускники этих школ могли продолжить обучение в медресе, которые находились при мечетях и давали более глубокие знания в разных областях науки.

¹² Янычары и сипахи – основа регулярной армии Османской империи. Сипахи представляли собой разновидность тяжелой кавалерии, янычары – элитное подразделение пехоты.

¹³ Тимариоты – владельцы земельных наделов (тимаров), за которые им надлежало нести военную службу.

¹⁴ Романия – одно из названий Византийской империи.

– Я доложу повелителю о вашем прибытии, – с этими словами он несколько раз стукнул костяшками по деревянной дверце и, тихонько приоткрыв одну из створок, проник внутрь. Спустя несколько секунд евнух вновь появился снаружи, жестом приглашая Халиля зайти. Визирь переступил порог и оказался в опочивальне султана.

Комната была очень плохо освещена, и Халиль не сразу различил силуэт Мурада, стоявшего к визирю спиной перед раскрытым настежь окном. Ночная прохлада приятно разливалась по душной комнате, выветривая стойкий запах благовоний и едва уловимый аромат грешного напитка. Визирь печально покачал головой – он до последнего надеялся, что султан сумеет избавиться от своего дурного пристрастия. Но разве можно иначе заглушить столь ужасную боль?

Остановившись у двери, Халиль выдержал небольшую паузу, затем негромко промолвил: – Повелитель. По вашему приказанию я прибыл.

Мурад молча обернулся, но Халиль не узнал своего государя – за три дня он постарел лет на десять! Осунувшееся и усталое лицо султана избороздили новые морщины, глаза запали, волосы на голове и бороде припорошило сединой. Взгляд его был рассеян и лишен какого-либо выражения.

– Да, проходи. Нам есть о чем поговорить, – наконец произнес Мурад своим привычно тихим голосом. Заметив бумагу и чернила в руке визиря, он добавил: – Никто не должен знать о нашем разговоре.

Халиль все понял и аккуратно сложил свои принадлежности на небольшой письменный столик. Затем собеседники устроились на удобном диване, возле которого был накрыт роскошный дастархан¹⁵. Изобилие всевозможных кушаний быстро напомнило Халилю, что с самого утра он почти не притрагивался к еде, однако есть в присутствии султана было немыслимой дерзостью.

– Скажи мне, Чандарлы, справедлив ли я был по отношению к своим сыновьям? Достаточно ли времени уделял им? Быть может, в их смерти и моя вина? – начал Мурад, отпив воды из золотого кубка.

Султан сделал паузу, казалось, он говорит сам с собой и не ждет ответа на свои вопросы, однако визирь хранил молчание, хорошо зная характер повелителя и ожидая, что государь продолжит свою речь. И действительно, через минуту Мурад заговорил снова.

– Я старался воспитывать своих сыновей так же, как и мой отец воспитывал меня. Хотел, чтобы они продолжили мое дело и были достойны наследия, что я им оставляю. Однако смерть настигла их раньше срока. Скажи, за что судьба так жестоко обошлась со мной?

– Повелитель, – осмелился вставить слово Халиль. – Ваша слава гремит на весь мир, простой народ боготворит вас, враги дрожат при одном только упоминании вашего имени. Но даже вы не в силах изменить волю Аллаха...

– Мой сын и внуки были убиты в собственных постелях, Халиль! – вскричал Мурад, стукнув кулаком по столу так сильно, что медная посуда, стоявшая на нем, со звоном падала на пол.

Халилю еще не доводилось видеть султана в таком отчаянии. Мурад умел сдерживать свои чувства и старался сохранять самообладание в любых ситуациях, однако теперь сделать это было не под силу даже ему. Немного отдышавшись, падишах продолжил:

– Я хочу, чтобы расследование было доведено до конца! Пусть найдут тех, кто решился на это злодеяние, и меня не волнует, какие чины стоят за всем этим!

Немного помолчав, Мурад поднял на визиря свой потухший взор.

– Как я слышал, убийцу уже нашли? Кто этот человек?

¹⁵ В странах Востока – сервированный стол или скатерть с угощениями.

– Да, повелитель, – поспешно ответил Халиль, облизав пересохшие от волнения губы. – Сложно в это поверить, но им оказался Кара-Хизир, до этого много лет верно служивший династии Османов. Вскоре его доставят в Эдирне, и я обещаю, он расскажет нам все, что знает!

– Распорядись, чтобы все происходило в строжайшей тайне, его жизнь должен забрать я, а не кто-либо другой, – произнес Мурад, уставив на визиря раскрасневшиеся глаза. – Я уверен, что за убийством моего сына стоят близкие ко мне люди, и, если это так, пусть он назовет мне их имена.

Султан еще раз взглянул на визиря, который явно принял намек на свой счет, и пояснил:

– Я доверяю тебе, Халиль, – успокоил его Мурад. – Тебе и твоей семье нечего бояться, но мой сын пал жертвой чьих-то грязных интриг, и тот, кто это сделал, несомненно относится к моему ближайшему окружению. Эти люди покусились не только на жизнь моих наследников, но и на мою власть! Отныне я не буду знать покоя, пока все виновные не поплатятся за свои преступления!

Воцарилась тишина. Испытывая какие-то неведомые визирю муки совести, султан не мог найти себе места. Наконец он встал, снова подошел к раскрытому настежь окну и уже более спокойным тоном произнес:

– Согласно заветам моего отца я старался укреплять могущество государства всеми возможными средствами. Я работал день и ночь, не жалея ни себя, ни своих подданных. И вот я достиг всего, чего хотел и к чему стремился – моя страна вернула себе утраченное величие, весь мир, как в былые времена, трепещет перед армией османов, а народ живет в благоденствии.

Голос Мурада опять сделался тихим:

– Какой толк теперь от всего этого, если я потерял самое дорогое, что имел, – моих любимых детей? Зачем мне эта безграничная власть, если я не смог защитить даже их? Все, что я создал, – это лишь пыль и прах. С точки зрения вечности я и сам всего лишь песчинка, увлекаемая течением времени.

Султан поглядел на перстень с большим кроваво-красным рубином, который он снял с руки своего покойного сына.

– Роль, которая выпала мне волею судьбы, вряд ли была предусмотрена для меня, – проговорил он. – Я никогда не жаждал власти и хотел лишь одного – покоя. Если бы только я мог удалиться от дел и зажить тихой, безмятежной жизнью...

Султан горько покачал головой и замолчал, углубившись в свои размышления.

Халиль не смог выдержать такой тяжелой паузы и произнес:

– Повелитель! Вы не должны укорять себя за то, что случилось. Вы – отец нашего народа и столько сделали для процветания империи! Вам выпало нелегкое бремя, но ведь Аллах посылает испытание каждому, дабы укрепить его дух и веру. Вспомните хотя бы, что у вас есть еще один сын...

Султан резко обернулся:

– Мехмед? Ты говоришь о нем?

Халиль заколебался. Младшему сыну Мурада Мехмеду было 12 лет, и сейчас он жил в Манисе, куда его в возрасте шести лет отправил сам султан. Официально было заявлено, что Мехмед отправляется туда с целью получения необходимых знаний и опыта государственного управления, но все понимали, что это путешествие равносильно ссылке – султан всегда полагал, что трон после него займет один из его старших сыновей, и не желал создавать им конкурента в лице Мехмеда.

Халиль никогда не понимал такого неприязненного отношения султана к своему сыну. Сам визирь плохо знал Мехмеда, однако был наслышан о его своевольном и непослушном характере. Говорили, что юный принц крайне вспыльчив и высокомерен, но при этом легко осваивает все новое и обладает замечательной памятью. Халиль подозревал, что вздорный

характер принца объясняется старой обидой на своего отца, который всегда относился к нему холодно и несправедливо.

– Да, повелитель, – проговорил визирь. – Мехмед уже не ребенок, и пришло время обучить его искусству государственного управления. Полагаю, что нужно призвать наследника ко двору.

Мурад тяжело вздохнул.

– Ты все верно говоришь, Халиль, обычаи и порядки требуют этого, однако...

Султан погладил свою густую бороду, как он часто делал в период тяжелых раздумий.

– Видишь ли, я всегда старался быть справедливым по отношению к своим подданным. В моем государстве каждый должен получать то, что заслуживает. Любая несправедливость должна караться независимо от того, кто ее совершает. Но что делать, если я сам допустил несправедливость? Кто в таком случае должен покарать меня? Ответь.

– Только Аллах, – тихо промолвил Халиль.

– Только он, – согласился султан. – От взора Всевышнего ничто не может ускользнуть. Я могу врать себе, но Его обмануть не в силах. И вот мое наказание – он забрал двух любимых сыновей, а оставил Мехмеда... Ты полагаешь, что я говорю ужасные вещи? Пусть так. Я убит горем и могу нести разную чепуху, однако мой сын... – султан покачал головой, – он чужд мне.

Халиля тревожило состояние султана, однако он не смел прервать его речь.

– Мехмед рожден от женщины, которую я никогда не любил, – продолжал султан. – Все свое детство он провел вдали от столицы, каждый день ожидая смерти. Его душа пропитана ядом ненависти и недоверия. В этом повинен я.

Мурад горько усмехнулся.

– Знаешь, Халиль. За долгие годы я научился читать души людей, подобно книге. Я погружался в самые темные глубины человеческого сознания, где обитают зависть, гордыня, коварство и страх. Подобно ядовитым скорпионам, они терзают душу человека и однажды вырываются наружу. Такой человек теряет контроль над разумом и может быть опасен. Но знаешь, что может быть еще страшнее?

– Что, государь? – кротко поинтересовался визирь.

– Когда такой человек получает власть.

Султан прохаживался по комнате и продолжал говорить:

– Безграничная власть, Халиль, очень опасная вещь, она может обернуться как великим благом, так и великим злом. Это не дар свыше, а испытание, которое не каждый сможет выдержать.

– Мне кажется, что не стоит вам торопиться с выводами, – осмелился прервать султана Халиль. – Мехмед еще очень юн, и правильное воспитание, возможно, пойдет ему на пользу. В конце концов, молодости тоже присущи свои недостатки. Да, он вздорен и своенравен, но вспомните себя в его годы.

Султан коснулся бороды, как он делал всегда, принимая серьезное решение.

– Безграничная власть всегда открывает истинное лицо человека, – задумчиво проговорил он.

Сказано это было так тихо, что Халилю пришлось напрячь слух, чтобы разобрать слова повелителя.

Повернувшись к визирю, Мурад произнес уже громче и тверже:

– Что же, я принял решение. Мы призовем Мехмеда ко двору, и пусть он проявит себя.

– Мудрое решение, повелитель, – согласился Халиль.

– Увидим, – прошептал Мурад.

* * *

Поздней ночью во дворцовую тюрьму в Эдирне тайно доставили закованного в цепи человека. Лишь немногие знали, кто он и с какой целью его привезли. У дверей темницы, куда поместили пленника, постоянно дежурила стража, набранная из личной гвардии султана. Ни один человек не мог войти сюда без личного дозволения государя или великого визиря. Еда, передаваемая заключенному, также проходила тщательную проверку. Тюремщики шептались, выдвигая различные гипотезы относительно узника. Наиболее распространенным был слух, что это кто-то из родственников султана, иначе зачем к заключенному приставили охрану?

Еще до рассвета к пленнику пожаловал первый посетитель.

Халиль-паша переступил порог каменного мешка и внимательно посмотрел на изможденного человека, который с трудом приподнялся на ноги. Было видно, что пленник подвергался многочисленным побоям и пыткам – лицо его превратилось в кровавое месиво, на руках и спине были видны полосы от ожогов и глубокие запекшиеся раны, а одежда несчастного оказалась изорвана и покрыта бурыми пятнами крови.

Визирь долго всматривался в узника и, казалось, не узнавал в нем человека, с которым когда-то был дружен – так сильно он был изуродован за последние несколько дней ужасных истязаний.

– Не думал, что нам суждено будет встретиться при таких обстоятельствах и в таком месте. – Халиль обвел взглядом темницу. – Неужели ты надеялся избежать расплаты за преступление?

Узник не отвечал и лишь угрюмо глядел на визиря, прислонившись к стене от усталости. Он едва держится на ногах, но все еще сохранял присутствие духа.

Халиль подошел вплотную к заключенному и, аккуратно взяв того за плечи, произнес:

– Мне нужна твоя помощь, Хизир. Ты знаешь, что я был тебе добрым другом все эти годы. Поэтому послушай, что я скажу. Ты совершаешь большую ошибку, защищая тех, кто толкнул тебя на это злодеяние. Ведь ты для них – никто, просто разменная монета, которой они легко готовы пожертвовать. Ты знаешь, что воздух Эдирне отравлен предательством и интригами, а нити заговора так или иначе ведут к окружению султана. Сколько еще честных и порядочных людей должно погибнуть, прежде чем во дворце наступят наконец покой и порядок? Ты можешь помочь мне, я ведь знаю, что ты предан нашему государству и не желаешь смуты.

Пленник продолжал смотреть на визиря пустыми глазами, словно размышляя о чем-то своем.

– Султан хочет знать правду, что на самом деле случилось в Амасии и кто стоял за убийством его сына, – продолжил Халиль. – Если ты мне все расскажешь, я обещаю тебе легкую смерть и безопасность твоей семье.

– Не надо пустых обещаний, визирь, – прохрипел узник. – Я знаю, что за участь меня ожидает, но какие бы пытки ко мне ни применяли, вы услышите лишь одно: я действовал в одиночку, по собственной инициативе, и это убийство целиком на моей совести.

Халиль отступил на шаг.

– Ни один здравомыслящий человек не поверит в это, – резко проговорил он. – Убийство наследника престола и его детей... Чтобы совершить подобное, нужна длительная подготовка, в одиночку тут не справиться. Да и зачем тебе это было нужно?

– Я заботился о благе империи, – ответил Хизир. Несмотря на боль, его губы исказила усмешка.

– Сколько можно повторять одно и то же, – вздохнул Халиль. – Как же, позволь узнать, убитые тобой дети угрожали благу империи? Кому они мешали?

– Я уже все сказал, и добавить мне нечего.

Халиль начинал терять терпение. Достав из просторного рукава скрепленный печатью свиток, он показал его Кара-Хизиру.

– Ты знаешь, что это такое? – спросил визирь и, не дожидаясь ответа, произнес: – Это смертный приговор твоей семье.

В глазах узника, кажется, впервые промелькнул страх, хотя он и постарался тщательно его скрыть.

– Султан жаждет крови, и он не удовлетворится лишь одной жизнью, – пояснил Халиль. – Твои родственники и близкие находятся под угрозой, их всех ждет смерть. Если тебя не волнует собственная судьба, подумай хотя бы о них!

Кара-Хизир склонил голову набок, размышляя над словами визиря, а затем ответил:

– Пусть сначала сюда приведут мою семью. Тогда я смог бы убедиться, что с ними все в порядке.

Халиль почувствовал, что узник опять выскальзывает из его сетей – никто так и не смог найти близких родственников этого человека, хотя их начали разыскивать сразу же, как только стало известно об убийстве. Хизиру удалось спрятать свою семью от гнева султана еще до того, как он совершил преступление, и сейчас, вероятно, он хочет быть уверен в том, что нашел им подходящее укрытие.

– Их приведут к тебе, – пообещал Халиль. – Но я хочу знать, правда ли, что в заговор с целью убить наследника входили особо приближенные к султану люди?

Хизир слабо улыбнулся.

– Брось эти игры, Халиль, – усмехнулся он. – Ты хочешь услышать всю правду об этом деле? Тогда приведи ко мне моих жену и детей. А до тех пор я не произнесу ни слова.

Подметив замешательство визиря, Хизир добавил с усмешкой в голосе:

– Только, боюсь, вам так и не удалось добраться до них.

Халиль был взбешен. Стало очевидно, что разговорить пленника просто так не получится – этот человек не боялся ни смерти, ни пыток. Такая самоотверженность поражала визиря, и он не мог взять в толк, ради чего этот безумец готов терпеть ужасные страдания, если можно разом положить конец всему.

– Не торопись, Хизир, – сквозь зубы проговорил сановник. – У нас впереди еще много времени. Куда бы ни скрылись твои родные – султан найдет их, и тогда ты пожалеешь, что не рассказал нам все добровольно.

Кара-Хизир нахмурил брови, но так ничего и не ответил.

– Что ж, подумай над тем, что я тебе сказал. – Халиль повернулся к выходу, но, обернувшись, добавил:

– Забыл сказать, скоро к тебе пожалует сам повелитель. Надеюсь, к этому времени у тебя будет что ему рассказать.

Дверь камеры захлопнулась за спиной визиря, послышался звон ключей и скрип плохо смазанного замка.

Халиль чувствовал себя скверно. Он понимал, что единственный способ узнать имена заговорщиков – это найти семью Хизира. Но где их искать? Уже больше месяца поиски идут безрезультатно. Возможно, они уже давно покинули пределы Османского государства, и тогда найти их не представляется возможным.

Сейчас репутация великого визиря висела на волоске – если он не справится с этим заданием, былого доверия между ним и повелителем добиться будет сложно, особенно теперь, когда обвиняемый в убийстве был ставленником самого Халиля.

Старый визирь догадывался, что кто-то желает ослабить его позиции при дворе и, возможно, убийство наследника каким-то образом связано с этим. Однако отступать было не в правилах Халиля, иначе он не дожил бы до своих седин. Его враги сделали свой ход, теперь пришла его очередь.

Визирь начал действовать...

Глава 3

Крестоносец

Октябрь 1443 года

Начало дневниковых записей

2 октября 1443 года

Сегодня знаменательный день для всей нашей армии – мы выступаем в Крестовый поход! С божьей помощью мы очистим земли Сербии и Болгарии от турецких полчищ, и после стольких лет я наконец-то смогу вернуться к себе на родину.

Дом... Что ждет меня там? Что скажут отец и мать, когда я появлюсь на пороге?

Прошло почти восемь лет с тех пор, как я выбрал свою судьбу. Пришлось отказаться от всего, что я имел, порвать с прошлым, с родными и близкими. Но мог ли я поступить иначе? Ведь только мое добровольное изгнание уберегло семью от ужасной участи, на которую их обрекли наши заклятые враги. По крайней мере, мне хотелось бы в это верить...

Мои родители до сих пор являются ко мне во снах, но их силуэты бледны и размыты, словно в густом тумане. Я не знаю, что могло статься с ними за годы нашей разлуки. О судьбе своих братьев и сестры я также ничего не ведаю.

Сестра была единственной из всей семьи, кто поддерживал со мной связь после моего бегства. Ее письма я храню как самое дорогое сокровище и часто перечитываю эти аккуратно выведенные строки. Сколько себя помню, она всегда была рядом и защищала меня. В детстве я часто дразнил ее из-за непослушных прядей волос, которые постоянно выбивались из ленты и нелепо торчали в разные стороны. Она злилась, надувала губы и щеки, а потом мы вместе смеялись. Это были самые теплые воспоминания из детства. Помню я и ее печальные, полные слез глаза, которые смотрели мне вслед, когда конь уносил меня прочь от родного дома.

Вот уже четыре года я не получал от нее никакой весточки, и нехорошее предчувствие закралось в сердце. Турки хозяйничают в землях моего отца, и ходят слухи, что их жестокость не знает предела. С христианами они не церемонятся, и только отступившись от Бога, можно спасти свою жизнь в мусульманском плену. Я хорошо знаю своего отца, его гордость никогда не позволит преклонить колени перед завоевателями и тем более изменить своей вере. Он скорее предпочтет умереть, чем жить с вечным ярмом на шее. Все остальные члены семьи последуют его примеру, чего я боюсь больше всего на свете. И все-таки нельзя терять надежду: мой род один из древнейших и уважаемых на Балканах – турки не причинят зла тем, за кого можно получить хороший выкуп. В конце концов, надежда – это все, что у меня теперь осталось.

Однако сейчас не время думать о прошлом. Мой командир ожидает меня в своем шатре для доклада.

Вот уже три года я сражаюсь под началом Яноша Хуньяди. Этот человек воплощает в себе выдающийся гений полководца и холодный расчет дипломата. Именно благодаря его стараниям этот поход получил такую широкую поддержку в Европе.

За свою продолжительную военную карьеру Янош Хуньяди не потерпел еще ни одного поражения. Вместе с ним я принимал участие в битвах при Семендрии, Германштадте и в ущелье Железные ворота, после которых имя трансильванского воеводы прогремело на весь христианский мир. Благодаря его поддержке польский король Владислав взойшел на венгерский престол, и вся страна поднялась на борьбу против османов. Для меня большая честь сражаться бок о бок с этим человеком, и я уверен, что под его командованием нас непременно ожидает успех.

За годы, проведенные на службе у Хуньяди, я смог сделать блестящую карьеру. Он не догадывается ни о моем происхождении, ни о цели, которую я преследую в этом походе, впрочем, это ему и не нужно. Моя задача – обучить новобранцев, число которых растет день ото дня – армия постоянно прирастает добровольцами из местного христианского населения. И хотя

костяк войска составляют венгры, к нам уже присоединились отряды из многих христианских земель, так что ныне в походе участвует свыше тридцати тысяч человек.

Конечно, турки способны выставить армию много большую, чем есть у нас, однако султану потребуется много времени, чтобы собрать и подготовить ее для похода. А ведь до зимы уже недалеко, и едва ли османские командиры рискнут встретить холода на горных перевалах. Скорее всего они перейдут в наступление только будущей весной, а до этого мы должны освободить территорию Сербии, заняв как можно больше крепостей, а затем двинуться на Софию – столицу Болгарского царства, которую султан, конечно, не отдаст нам без боя.

Миновав часовых, я вошел в просторную палатку главнокомандующего, где в это время шло жаркое обсуждение предстоящего похода. Сам Янош Хуньяди, невысокого роста, облаченный в начищенные до блеска пластинчатые доспехи, с густыми, спадающими до подбородка усами, выглядел внушительно и грозно. Он стоял во главе длинного стола, не принимая никакого участия в спорах, и читал присланные с последним курьером донесения.

Я занял свободное место за столом в самом дальнем его углу, стараясь лишний раз не показываться на глаза напыщенным венгерским офицерам. Многие из них сражались с Хуньяди еще во времена гуситских войн, а я появился в окружении воеводы недавно и тем провоцировал их злобу и недоверие. Впрочем, какое мне было до этого дело?

Янош Хуньяди оторвал взгляд от своих бумаг и, заметив меня, произнес:

– Где тебя черти носили?! Докладывай, как обстоят дела с пополнением?

Взгляды всех присутствующих тут же устремились в мою сторону.

– Наши последние победы над турками пробудили в людях веру в успех этого похода, и теперь у нас нет недостатка в добровольцах, – начал я свою речь. – За последние сутки к нам примкнуло более сотни человек из числа местных жителей. В основном это крестьяне и монахи, их обучением уже занимаются.

– Хорошо. – Хуньяди, похоже, не сильно интересовали мои слова. Он сделал мне знак, указав на место подле себя, а затем обратился к командирам.

– Как я уже говорил, наша армия, несмотря на все принятые меры, движется слишком медленно, и это дает возможность туркам лучше подготовиться к обороне, – угрюмо проговорил он. – Из полученного донесения я узнал, что османы стягивают свои силы в районе города Пловдив к юго-востоку от Софии. Вероятно, они попытаются отрезать нас с запада, прервав пути снабжения войска и вынудив повернуть обратно. Они всеми силами хотят помешать нам закрепиться на этих землях, и, если их план сработает, весной нам придется начинать все сначала.

Выдержав небольшую паузу и оглядев всех присутствующих проницательным взглядом, Янош продолжал:

– Турки полагаются на свое численное превосходство и думают, что мы попытаемся избежать крупного сражения. Данное заблуждение следует использовать. Мы заставим их воевать на наших условиях! Но времени у нас крайне мало – с каждым днем противник получает подкрепления, и вскоре султан бросит против нас все свои силы. Необходимо продвигаться как можно быстрее, иначе мы не попадем в Софию до холодов.

Один из присутствующих польских военачальников, воспользовавшись паузой, решительно возразил:

– Командир! Что, если эти трусы уйдут в глухую оборону? На мой взгляд, следует закрепиться в сербских землях, а уже весной выступать на Болгарию.

Польский генерал был в чем-то прав: не имея достаточных запасов для длительной осады такого города, как София, мы рисковали оказаться в окружении и умереть от голода под стенами болгарской столицы.

Янош Хуньяди нахмурился.

– К сожалению, султан не будет смиренно ожидать нашего наступления. – Воевода обвел собравшихся долгим взглядом и указал на лежавшие перед ним письма. – Мне стало известно, что следующей весной турки начнут наступление. Они уже заключили перемирие с Караманом и теперь могут сконцентрировать свои главные силы в Европе. Переброска султанских войск идет полным ходом, и однажды эта лавина обрушится на нас. Однако сейчас инициатива принадлежит нам, а значит, нужно действовать быстро и решительно, только в этом залог нашего успеха!

Однако поляк продолжал стоять на своем:

– Риск все же остается! – настаивал он. – До Софии почти четыре сотни миль! Если война затянется...

– Османам плохо знакомо понятие «затяжная война», – оборвал его воевода. – Они атакуют стремительно и так же стремительно отступают. А риск на войне – дело привычное, впрочем, как и смерть, – Янош Хуньяди вздохнул, в его глазах ненадолго промелькнула искра печали. Однако, когда он заговорил снова, его голос был все так же спокоен:

– Есть ли еще среди вас те, кто не согласен со мной?

Командиры переглянулись, и несколько из них высказали схожее с польским генералом мнение.

– Ну что ж, я могу понять ваши опасения, – сказал воевода, делая едва заметный знак рукой. Заметив его, один из офицеров, охраняющих вход, скрылся за пологом шатра.

Спустя несколько секунд он вернулся и, подойдя к Хуньяди, прошептал ему на ухо несколько слов. Выслушав донесение, воевода приказал: «Зови его!»

В шатер ввели белокурого юношу, одетого в мипарти¹⁶, на котором был изображен герб сербского короля Георгия Бранковича. Посланник поклонился воеводе, тот поприветствовал его кивком головы. Все знали, что отношения между Хуньяди и сербским князем были, мягко говоря, натянутыми, однако в этой войне им пришлось объединить усилия против общего врага, и этот союз оказался весьма успешным.

Благодаря поддержке и содействию Георгия Бранковича большая часть Сербии уже перешла под контроль крестоносцев. Однако османы продолжали удерживать ряд крепостей, чем затрудняли продвижение его армии на соединение с нашими войсками.

– Чего хочет твой господин? – поинтересовался Хуньяди у молодого гонца.

– Турки бегут, но некоторые сербские города по-прежнему остаются под властью мусульман, – начал свою речь посланник. – Чтобы освободить эти крепости, нам потребуется немало времени и людей.

Воевода окинул взглядом собравшихся командиров.

– Что скажете, друзья? Кто из вас желает отправиться к сербскому князю?

Ни один из полководцев не произнес ни слова – венгерские и польские генералы менее всего желали сражаться за чужие интересы, и Хуньяди это прекрасно осознавал.

– Что ж, раз нет желающих, я сам постараюсь выбрать достойных, – воевода провел рукой по своим густым усам и еще раз окинул взором командиров. – Такую важную миссию следует поручить человеку осторожному и терпеливому. Турки наглухо засели в своих крепостях, и, чтобы выкурить их оттуда, потребуется немало времени и осмотрительности.

Бросив взгляд на польского генерала, воевода произнес:

– Я прошу вас, пан Томаш, передать деспоту мое послание, а вместе с ним и небольшое подкрепление. Ваш отряд насчитывает три сотни человек, если не ошибаюсь?

Поляк коротко кивнул, не произнося ни слова.

¹⁶ Мипарти (произошло от французского mi-parti, что означает «разделенный пополам») – костюм, разделенный на две части разными цветами. Данный костюм был весьма популярен в средневековой Европе вплоть до конца XV века.

– Этого будем мало, – покачал головой Хуньяди. – Добавим к нему еще шесть сотен. Вы, господа, надеюсь, не откажетесь поддержать наших союзников?

Последние слова воеводы были направлены к тем трем венгерским офицерам, которые за несколько минут до этого согласились с мнением польского командира. Ни один из этих троих не воспротивился приказу, хотя на их лицах читалось негодование.

– Отлично! – потирая руки, сказал воевода. – Отправляться в путь можете уже завтра. Вечером я отдам вам все необходимые бумаги. А сейчас ступайте...

Поляк и венгры, пробурчав что-то под нос, вышли из палатки. Следом за ними увели и сербского посланника. После этого Хуньяди вновь оглядел присутствующих своим пронзительным взглядом, словно стараясь разгадать тайные помыслы каждого.

– Надеюсь, больше нет никаких возражений? Хорошо! Тогда прошу сделать все, чтобы армия продвигалась без задержек, – приказал воевода. – От этого зависит успех всего похода.

Чуть помолчав, он добавил:

– Да, и еще одно. Со дня на день мы ожидаем прибытия Его Величества короля Владислава. Вместе с ним приедет папский легат... этот Чезарини, – последнее имя Хуньяди произнес с нескрываемым отвращением. – Кроме того, с ним прибудет несколько отрядов его личной охраны, а также добровольцы из Италии. Хотя на последних я бы не очень-то рассчитывал... На этом все. Пусть сегодня солдаты отдохнут. А завтра утром выступаем в путь!

Командиры, шепотом переговариваясь между собой, стали медленно покидать палатку, я было последовал за ними, но Янош окликом попросил меня задержаться. Когда мы остались одни, он подозвал меня к себе ближе.

– Ты выполнил мое поручение? – негромко спросил он, словно опасаясь, что нас могут услышать.

– Да, – ответил я, протягивая ему запечатанное послание.

Два дня и две ночи я прижимал этот свиток к груди, имея строгое распоряжение уничтожить его при малейшей опасности, но о содержании данной бумаги мне было неизвестно.

Хуньяди сломал печать, быстро пробежал глазами по пергаменту и улыбнулся.

– Знаешь ли ты, о чем говорится в этом послании?

– Не имею понятия, – честно признался я.

– Тем лучше, – кивнул воевода.

Прежде чем я успел сказать хотя бы слово, в темном углу шатра появилась фигура мужчины, которого я прежде не замечал. Когда свет упал на его смуглое лицо с глубоко посаженными миндалевидными глазами, я непроизвольно опустил руку на рукоять меча – человек несомненно служил султану, об этом говорила не только его странная внешность, но и пестрое облачение сияхдара¹⁷, которое проглядывало из-под плотной темной накидки. Но что он делает в шатре у воеводы?

– Не стоит горячиться, – Хуньяди опустил руку на мое плечо. – Это Иса, он наш верный друг и союзник.

Человек, чье имя произнес воевода, бросил на меня короткий взгляд и сделал едва заметный кивок головой.

– Ты все слышал сам, – по-дружески обратился Хуньяди к своему необычному гостю. – Как видишь, я ничего не утаиваю от твоего господина. Надеюсь, что он не предаст и мое доверие.

– Мой господин не из тех, кто нарушает свое слово, – с небольшим акцентом заявил пришелец, все еще искоса поглядывая на меня. – Но что насчет нашей просьбы?

– Она исполнена, – воевода протянул принесенный мною свиток. – Этот юноша рисковал своей жизнью, чтобы доставить сюда высочайшее дозволение сербского князя миновать его

¹⁷ Сияхдары – одно из привилегированных подразделений в османском войске.

земли. Вы также получите людей, которые помогут вам добраться до Албании. Теперь дело только за вами.

– Об этом не беспокойтесь, – ответил Иса, принимая свиток из рук воеводы. – Султан дорого заплатит за то, что сотворил с нашим народом. Их кровь вызывает к отмщению!

– Только не нужно спешить, – предупредил воевода. – До определенного момента султан должен быть уверен в преданности твоего господина.

– Он ничего не узнает, – прозвучал ответ.

– Хорошо, – кивнул Хуньяди. – До вечера оставайся в лагере и жди моих указаний.

Иса поклонился и, подобно призраку, бесшумно исчез за тяжелым пологом шатра. Несколько секунд мы стояли в тишине, затем воевода нарушил молчание.

– Все, что ты увидел и услышал, должно оставаться в строжайшей тайне, – предупредил он меня. – Не спрашивай ни о чем, в скором времени сам все узнаешь, а пока...

Хуньяди подошел к своему письменному столу, на котором среди бумаг, чернильниц и других письменных принадлежностей стояла деревянная шкатулка, украшенная причудливыми узорами. Открыв резную крышку, воевода достал туго набитый кошелек.

– Это небольшая плата за все твои старания, – с этими словами он сунул кошелек мне в руки. – И за молчание тоже.

Я принял подарок, хотя никогда не испытывал нужды в деньгах, и Хуньяди это знал. Заметив мою неловкость, он пристально посмотрел на меня.

– Ты, вероятно, хочешь о чем-то меня спросить?

– Да, – пришлось признаться мне. – Я не стану спрашивать о необычном посетителе и о том, что содержалось в письме сербского князя. Уверен, эти тайны будут скоро раскрыты. Но зачем ты обрушил свой гнев на того несчастного польского офицера, который всего лишь нашел смелость возразить тебе? У нас на счету каждый человек, а опытные воины вообще на вес золота. Если король узнает...

– Король не будет оспаривать мои решения, поверь мне, – прервал расспросы воевода. – Кроме того, я поступил так не по собственной прихоти.

– Ты отослал людей прочь лишь за то, что они высказали свое мнение! – возразил я. – Все решат, что ты это сделал из-за собственного тщеславия.

– Пусть думают, что хотят, – отмахнулся Хуньяди. – Я давно привык к козням у себя за спиной. Однако эти господа не поедут к сербскому деспоту, куда я их якобы собираюсь направить. В тех распоряжениях, которые они сегодня получают, будет указано совсем другое задание.

– Это задание как-то связано с Исой? – догадался я.

Янош окинул меня тяжелым взглядом.

– Ты умен, Константин, – медленно проговорил он, не сводя с меня пристального взора. – Но иногда это лучше скрывать, а иначе найдутся люди, которые захотят укоротить твой язык. Поверь, это не угроза, а добрый совет на будущее.

Я кивнул в знак того, что усвоил этот урок. Тогда воевода продолжил:

– Впрочем, ты заслуживаешь знать хотя бы часть правды, и я тебе ее открою.

Тщательно обдумывая каждое свое слово, воевода начал рассказывать.

– Дело в том, что кое-кто из султанских военачальников готовится преподнести своему повелителю неожиданный сюрприз. – На лице полководца промелькнула улыбка. – Сейчас этот человек крайне нуждается в опытных и проверенных бойцах, и я могу ему их предоставить.

Янош Хуньяди любил говорить загадками – этого было у него не отнять.

– А как же сербский князь? – поинтересовался я. – Как он отнесется к тому, что ты пренебрег его просьбой о помощи?

Воевода посмотрел на меня с едва заметной улыбкой.

– Ты что, до сих пор не понял, Константин?! – разочарованно покачав головой, выпалил Хуньяди. – Ни о чем таком Георгий Бранкович меня и не просил.

– Но как же тот посланник... – растерялся я.

– Всего лишь один из моих людей, – усмехнулся он. – Надо признать, что свою роль он исполнил блестяще.

Я был обескуражен словами венгерского полководца.

– Зачем тогда нужно было устраивать весь этот спектакль? – с ноткой возмущения воскликнул я.

– На то у меня есть несколько причин, – медленно произнес Хуньяди, и его лицо вновь сделалось серьезным. – Главная заключается в том, что никого не удивит, если я отправлю несколько отрядов на помощь сербскому князю. Как говорил мой любимый шурин, если хочешь что-то скрыть, всегда действуй открыто. Понимаешь меня?

Разумеется, я понял.

Янош Хуньяди был из породы тех людей, кто никогда и никому полностью не доверяют. Даже со своими командирами он делился только теми сведениями, которые необходимо было знать для исполнения той роли, которую воевода отводил им в своем плане.

Я не разделял такую позицию и решился высказать свои опасения:

– Ты замыкаешь все на себя. Если с тобой что-нибудь случится, командиры не будут даже знать, какие приказы были отданы. Я понимаю, что в твоей голове уже созрел план наших действий, но как можно в одиночку контролировать все?

– Этому я учился долгие годы, – признался Хуньяди, подливая в свой кубок густое вино. – Подобные знания даются нелегко. Вначале ты должен испытать горечь предательства, затем пройти через боль утраты, и если после этого твой дух будет так же силен и крепок, ты сумеешь понять, что доверие подобно слепоте – оно ведет тебя по дороге чужих ошибок и редко приводит к намеченной цели.

Я не успел сказать и слова, как мой собеседник продолжил:

– Ты должен понять, как тяжело управлять столь разношерстной армией. Здесь собрались авантюристы со всей Европы, и каждый вступил в наши ряды, лелея определенную цель. Я должен объединить этих людей, заставить их стать единым целым и действовать под моим началом.

Янош взял свой кубок и отпил вина.

– Армия – это клинок. А клинок должен быть не только острым, но и крепким. Иначе он может сломаться в самый неподходящий момент. Чтобы клинок был крепким, нужна жесткая дисциплина, иначе я бы не одержал ни одной серьезной победы. Мои солдаты могут ненавидеть меня, но делать то, что им положено, они все равно должны! *Oderint dum metuant*¹⁸!

Хуньяди прошелся вдоль стола, потом остановился и пристально посмотрел на меня:

– Тебя не удивляет моя откровенность?

– Я полагаю, это тоже часть какого-то блестящего плана, – с легкой ухмылкой произнес я.

Хуньяди редко смеялся, но в этот раз не смог удержаться.

– Ты мне определенно нравишься, Константин, – произнес он, вытирая слезы. – Ты принес много пользы для армии. Пожалуй, ты заслуживаешь некоторого повышения.

Я замер в ожидании. Янош Хуньяди призадумался, по привычке разгладил усы, а затем произнес:

– Я хочу сделать тебя капитаном аргулетов¹⁹. Ты, насколько я знаю, хорошо держишься в седле, и боевого опыта тебе не занимать. На первое время под твое начало перейдут две сотни человек.

¹⁸ Пусть ненавидят, лишь бы боялись! (лат.)

¹⁹ Аргулеты – небольшой разведывательный отряд, состоявший преимущественно из конных лучников или арбалетчиков.

Мне сразу стало ясно, что это решение воевода продумал заранее. Хочет еще раз проверить меня. Ну что же, я готов.

– Это большая честь для меня!

– Брось! Чести в этом совсем немного. Но ответственность действительно большая. Поэтому не подведи меня, Константин, я полагаюсь на тебя.

Я склонил голову.

– Все, можешь идти, – сказал Янош и, усевшись за свой рабочий стол, принялся изучать лежавшие там донесения.

Однако я не сдвинулся с места. Хуньяди воплощал в себе все качества, которыми мне хотелось обладать: предусмотрительность, терпение, спокойствие и хладнокровие сделали его практически неуязвимым, но затеянная им кампания казалась мне весьма рискованной.

Набрав воздуха в легкие, я спросил прямо:

– Веришь ли ты сам в успех нашего похода?

Янош оторвался от своих бумаг и промолвил:

– С чем связаны твои сомнения? Долгие годы я воевал с турками и хорошо изучил их тактику. Думаю, у нас достаточно сил, чтобы противостоять им. Гораздо больше меня смущает приезд Чезарини. Этот фанатик имеет большое влияние на молодого короля и может загубить все дело своими советами.

Ненависть Хуньяди к представителям Римской церкви была мне хорошо известна, я не знал причины этой давней вражды, поэтому решил расспросить его о другом.

– Я слышал, король Владислав твой близкий друг.

– Верно, – усмехнулся Хуньяди. – Однажды я оказал ему небольшую услугу, в результате чего он обрел венгерскую корону.

– Владислав еще очень молод, что нам следует ожидать от него?

Янош Хуньяди любил своего монарха и поэтому сказал с необычайной для него теплотой:

– Наш король – замечательный человек. Он хочет покрыть свое имя славой и рвется в бой, подобно всем юношам в его возрасте.

– Молодости свойственно мечтать о великом, – сказал я. – Кто знает, быть может, он станет тем счастливчиком, который сумеет воплотить свои мечты в реальность.

– Посмотрим, – коротко сказал Хуньяди. Он потянулся за пером, обмакнул его в чернила и продолжил работу. – Но королю еще нужно поднабраться опыта. Это первый поход в его жизни, и я не хочу, чтобы он совершил какую-нибудь глупость.

– Все люди имеют право на ошибку.

– Только не король! – сурово возразил полководец. – Цена его ошибки – тысячи человеческих жизней. Поэтому я надеюсь, что Владислав будет прислушиваться к моим советам хотя бы из уважения к нашей дружбе.

– Скоро мы это узнаем, – сказал я, оставляя воеводу наедине с бумагами.

* * *

7 октября 1443 года

Сегодня к нам присоединился король со своей свитой и несколькими сотнями добровольцев, которых удалось набрать в Италии и Венгрии. Люди охотно шли за Владиславом, ибо он обладал редким даром воспламенять сердца людей и вселять в них добрую надежду.

Воспитанный на идеалах рыцарства и христианского благочестия, юный король единственным из монархов Европы откликнулся на призыв папы и стал одним из организаторов похода против турок.

С его прибытием в нашем лагере начался настоящий переполох – все хотели посмотреть на молодого короля, о котором уже ходило множество слухов.

Не обращая внимания на ругань и проклятия, которые то и дело сыпались мне в спину, я протиснулся сквозь толпу, желая увидеть все собственными глазами. Внезапно какой-то громила загородил мне дорогу.

– Ты куда лезешь, мозгляк? – сквозь зубы процедил он. – В первом ряду стоят лишь те, кто служит в гвардии Его Величества.

Я обернулся назад – раскрасневшиеся от духоты, обозленные лица воинов явственно говорили о том, что по дороге обратно я одними ругательствами не отделаюсь.

– Придется тебе потерпеть, – развел руками я. – К тому же, пока короля охраняют такие богатыри как ты, ему явно бояться нечего.

Великан сплюнул на землю и осклабился.

– Ну что же, ты сам напротился!

После этих слов громила сжал кулаки. Едва я успел пригнуться, как закованная в сталь перчатка пролетела всего в дюйме от моего лица. Послышался глухой звук.

– Ах ты фукин фын! – воскликнул стоявший позади меня офицер, хватаясь за разбитый нос. Сквозь его пальцы заструилась кровь.

Понимая, что без насилия здесь уже не обойтись, я не стал терять времени даром. Воспользовавшись секундным замешательством, развернул корпус и с силой двинул громилу чуть повыше колена, а затем нанес удар в челюсть. Удар оказался точным, и великан рухнул в дорожную пыль без сознания.

Похоже, этого оказалось достаточно, чтобы ни у кого больше не возникало ко мне никаких вопросов. Поверженного гвардейца оттащили прочь, а я занял его место.

Наконец на поляне появился король. Облаченный в расписанные золотом и эмалью доспехи, Владислав гордо восседал на белоснежном скакуне. Словно осознавая значимость момента, верный конь неторопливо нес своего хозяина по усыпанной лепестками роз мощеной дороге, давая возможность солдатам наглядеться на своего предводителя. Голову короля украшал царственный венец, из-под которого на плечи падали темные волосы, присущие всем представителям рода Ягеллонов. На еще совсем юном и благородном лице монарха играла лучезарная улыбка, а глаза горели предвкушением скорой битвы.

С теплотой и достоинством Владислав приветствовал крестоносцев. Затем он вместе со всей своей свитой проследовал в походный шатер Яноша Хуньяди, где состоялся военный совет.

На это заседание мне попасть не удалось, и я отправился к своим новобранцам, которых еще предстояло натаскать для будущих вылазок.

Время от времени меня замещал старый друг – Джакобо. Я познакомился с ним во время странствий по Италии. Он был единственным сыном обедневшего миланского дворянина, который погиб при весьма загадочных обстоятельствах. Растратив отцовские деньги, вспыльчивый юноша, который вдобавок успел отличиться в десятках дуэлей, под страхом смерти вынужден был бежать из родного города. После нескольких лет скитаний и мытарств Джакобо наконец избрал путь кондотьера, сколотил отряд головорезов и поступил на службу к Яношу Хуньяди. Несмотря на множество различий, мы быстро нашли с ним общий язык и стали хорошими друзьями. Я знал, что на Джакобо можно было положиться в любом деле, и потому охотно делился с ним всеми новостями, которые получал. Единственное, о чем ни я, ни он не любили говорить, так это о нашем прошлом.

Я отыскал итальянца на окраине лагеря, где он обычно занимался обучением новобранцев. Джакобо внимательно следил за своими учениками, которые отрабатывали очередной прием в парах. Заметив меня, он улыбнулся и, не останавливая занятия, быстрым шагом пересек площадку.

Ростом он был пониже меня, но гораздо шире в плечах. Его красивое загорелое чисто выбритое лицо обрамляла копна черных как смоль волос, которые волнами спадали ему на плечи.

– Как проходит обучение? – поинтересовался я, рассматривая еще не оперившихся юнцов, которые неуклюже сжимали рукояти своих *spada schiavonesca*²⁰.

Джакобо покачал головой:

– Ты об этих девицах? – он небрежно махнул в сторону своих учеников. – Я постарался отобрать самых лучших, но и с ними предстоит еще много работы. Некоторые имеют боевой опыт, но для миссии, которую нам поручил Хуньяди, требуется особая подготовка. Мы сейчас не можем требовать от них большего.

– Для первых вылазок достаточно, чтобы они умели хорошо держаться в седле, кое-как орудовать мечом и луком, – сказал я. – Крупных столкновений пока не предвидится.

– Турки – великолепные наездники, – возразил Джакобо, скрестив руки на широкой груди. – Это у них в крови. Против османов гораздо лучше действует закованная в сталь пехота или тяжелая конница. То, что мы задумали, чистое самоубийство.

Джакобо, как и я, уже три года сражался в венгерском войске, и обмануть его было трудно. Он сразу понял, что задача, которую поручил нам Янош Хуньяди, едва ли оставляет нам шансы уцелеть.

– Мы простые солдаты, Джакобо, и не должны обсуждать приказы, – сказал я и, улыбнувшись, похлопал его по плечу. – К тому же ты добровольно вызвался помогать, так что вполне сознавал, на что мы идем.

– Да, после стольких лет я успел привязаться к тебе и не хотел бы видеть, как османы насадят твою безмозглую голову на копье, – усмехнулся Джакобо. – Надеюсь, все-таки нам это зачтется?

– В этом не сомневайся, – ответил я, а про себя подумал: «Либо на земле, либо на небесах».

* * *

На следующий день мы узнали, что турецкая армия двинулась из Пловдива нам навстречу. Вскоре, несомненно, ожидается крупное сражение. Тем не менее Янош Хуньяди пребывает в добром расположении духа, и, кажется, все идет по его заранее продуманному плану. У меня нет повода сомневаться, он уже не раз доказывал, что является гениальным стратегом. Однако на войне за ошибки своих командиров как правило расплачиваются обычные солдаты, а единственная плата здесь – это жизнь...

Глава 4

Франдзис

Осень 1443 года. Константинополь

Император Мануил II, которого любили и почитали все, даже турецкие султаны, покинул этот мир, оставив пятерых сыновей. Еще при жизни он сделал своим соправителем старшего из них – Иоанна VIII, который и взошел на престол после кончины отца. Надо сказать, что Иоанн старался быть достойным императором, его доброта, ум и забота о своих подданных на первых порах снискали ему популярность среди народа. Однако едва он начал переговоры с Римом, как все его былые заслуги была разом забыты. Народ не желал принимать условия Флорентийского собора, и никакие доводы не могли изменить такого положения вещей.

²⁰ Spada schiavonesca (в переводе с итальянского – «славянский меч») – тип полутора- или одноручного меча, распространенного в Юго-Восточной Европе, а также в венецианской Далмации. Позже послужил основой для создания иных видов холодного оружия, например *скьявоны* (меч с корзинчатой гардой).

Слабое здоровье и огромное количество нерешенных проблем вскоре стали сказываться на душевном самочувствии государя: с возрастом обострились хронические заболевания, он был подвержен частой смене настроения и страдал от глубоких приступов меланхолии.

Иоанн был бездетным, а это, в свою очередь, провоцировало бесконечные конфликты между его братьями, которые надеялись занять трон после смерти императора.

Вторым сыном Мануила и главным претендентом на престол был Феодор. По характеру он был похож на своего старшего брата. Обладая глубокими познаниями в науке и искусстве, он окружил себя видными философами, учеными и художниками, в чьем обществе мог проводить целые дни напролет. Но как правитель он проявил себя слабо – за время правления в Морее он не добился каких-либо значительных успехов. Вместе с этим Феодор не раз предпринимал попытки уйти в монастырь, но каждый раз менял свое решение. Он считал себя полноправным наследником Иоанна и не скрывал своих притязаний на трон.

Однако Иоанн не желал видеть его своим преемником, о чем не раз говорил мне лично. Самым достойным из сыновей Мануила был мой господин Константин, который по старшинству следовал после Феодора, но по своим личным качествам и талантам несомненно был впереди него. Не раз отличившись в боях с врагами, он смог укрепить и расширить границы нашего государства, проявил себя как деятельный и справедливый правитель и тем снискал себе большое уважение среди простых людей.

Двое младших братьев – Димитрий и Фома – ничем особым не выделялись.

Димитрий был тщеславен и алчен до власти. Он открыто перечил василевсу, а однажды даже поднял мятеж против Иоанна, вступив в сговор с турками. Его войска подошли тогда к самым стенам Константинополя и разорили всю округу. Император запросил помощи у Константина, и тот не замедлил ее оказать. Димитрию пришлось отступить и покаяться перед своими братьями. Его простили и разрешили остаться в Константинополе. Однако он продолжал плести интриги и доверия ни у кого не вызывал.

Фома был самым спокойным среди сыновей Мануила. Он, кажется, и не мечтал о короне. Во всех делах Константина он был его верным и главным помощником, при этом с Димитрием у Фомы сложились крайне неприязненные отношения.

Вражда между столь не похожими друг на друга братьями истощала и без того ослабевшую империю, однако власть – даже власть над руинами – слишком притягательна, чтобы прекращать борьбу. В ход шли не только мечи солдат и кинжалы убийц, но также тончайшие политические интриги, которыми был окутан двор василевса.

Слабеющий Иоанн слишком часто поддавал под влияние тех или иных слухов, чем умело пользовались враги Константина, и мне приходилось прикладывать большие усилия, чтобы отвести очередной удар, направленный против моего благородного господина.

Тем ужаснее мне показалась новость, что император своим повелением отправляет Константина в далекий Морейский деспотат, возвращая оттуда Феодора. Эта перестановка ясно свидетельствовала, что именно Феодор считается главным наследником, и в случае кончины василевса он займет освободившийся трон.

Константин, столь отважный на поле брани, но столь осторожный во всем, что касалось его семьи, безропотно согласился с повелением императора и уже готовился отплыть из столицы. Не теряя ни минуты, я направился во дворец с целью образумить своего покровителя.

Когда я добрался до покоев Константина, из дверей прямо мне навстречу вылетел царевич Димитрий. Он тяжело дышал, а лицо его пылало гневом. Бросив на меня презрительный взгляд, он прошел мимо, не говоря ни слова. Удивленно поглядев ему вслед, я прошел в опочивальню, которую император отвел для Константина.

Даже по сравнению с общей скромностью Влахернского дворца его покои отличались удивительной простотой. Кровать, стол и стулья здесь были изготовлены из самого обыкновенного дерева, лишь изукрашенного цветными росписями. В отделке комнаты практически

отсутствовала столь излюбленная многими вельможами позолота или слоновая кость. Пожалуй, единственным предметом роскоши, на котором можно было задержать восхищенный взор, был узорчатый ковер – подарок давно почившего султана Мехмеда, доброго друга и союзника ромеев. Однако при всей скромности комната всегда была наполнена светом, этот эффект достигался благодаря двум широким сводчатым окнам, обращенным на юго-восток.

Самого Константина я нашел на залитой солнцем террасе, где он часто любил отдыхать во время, свободное от государственных дел. Моему господину тогда исполнилось тридцать восемь лет. Как и отец, он был высок, строен и красив – то была характерная черта многих Палеологов, которые отличались мужественностью и статностью, а примесь французской, итальянской и армянской крови делали их черты лишь еще более яркими и выразительными.

В Константине жила бьющая через край энергия, которую он всю свою жизнь стремился употребить на благо своей страны. Этот человек с детства презирал любую несправедливость и во всех своих решениях руководствовался голосом совести. Он был добр к своим подданным и милосерден к врагам, но при этом зарекомендовал себя как прекрасный командир, у которого было множество славных побед. Его невероятная харизма позволяла легко сходитьсь с людьми и обеспечивать их беззаветную преданность. Такой человек мог бы стать блестящим правителем. Даже сам Иоанн признавал, что Константин выгодно отличается от своих братьев, и втайне заверял меня, что предпочел бы сделать своим преемником именно его.

Увидев меня, Константин улыбнулся:

– Георгий! Как я рад тебя видеть! – воскликнул он, похлопав меня по плечу, однако я заметил, что мой господин чем-то сильно озабочен.

– Я видел вашего брата, – сказал я после короткого приветствия. – Кажется, он сильно разгневан.

Улыбка сползла с лица Константина. Он облокотился на парапет и печально покачал головой.

– Димитрий совсем лишился рассудка. Только что он умолял меня поднять открытый мятеж против императора и разделить его корону. Он даже разработал план, как избавиться от Иоанна, чтобы все решило, что это несчастный случай.

Константин посмотрел на меня со всей серьезностью.

– Если о нашем разговоре станет известно василевсу, Димитрий наверняка поплатится головой, и на этот раз никто не сможет смягчить его участь.

– Похоже, Димитрий пребывает в отчаянии, – заметил я, как следует осмыслив поступок царевича. – Что могло стать причиной?

– Страх за свою жизнь, – ответил Константин, вглядываясь в сияющий на солнце купол Святой Софии, хорошо различимый из любой точки города. – Кто-то внушил ему, что Иоанн желает расквитаться с ним за все прошлые обиды.

Несмотря на высокомерие и надменность, Димитрий не обладал ни смелостью, ни самостоятельностью. Я знал, что во дворце найдется не один десяток людей, способных управлять слабым духом царевича в своих целях. Сам того не ведая, он превратился в орудие политической борьбы. Очень опасное орудие.

– Если не принять меры, Димитрий может уйти очень далеко... – начал я, однако Константин не дал мне договорить.

– Я сам займусь этим, Георгий, – сухо проронил правитель Морей. По его глазам мне стало понятно, что он не желает, чтобы кто-то вмешивался в их семейные дела. – Однако ты пришел поговорить со мной не о брате?

– Не о Димитрии, это верно, – согласился я. – Но о Феодоре. Благодаря вашей уступке он еще на один шаг приблизился к короне василевса. Мне кажется, что покидать столицу в столь непростой момент крайне опасно.

– Я заранее знаю, что ты сейчас скажешь, Георгий. Но не изменю своего решения и не стану противиться воле императора.

Замолчав, Константин вновь устремил свой взор на расстилавшийся перед ним огромный город.

– Ты же понимаешь, в каком тяжелом положении мы сейчас находимся, и потому я не хочу новых раздоров в правящей семье. Посмотри вокруг! Той великой империи, о которой нам любили рассказывать наши учителя, давно нет!

Константин указал на Августеон – форум, вдоль которого возвышались гордые статуи римейских императоров, правивших столетия назад.

– Нам часто рассказывают о славных победах прошлого, но прошлое – утешение для стариков, а мы должны подумать о том, что будет завтра!

Печаль, сокрытая в словах моего господина, была мне близка и понятна, но я не стал прерывать его, ибо Константин продолжал говорить голосом своего сердца.

– Мы с тобой живем в век великих перемен. Оглянись – мир вокруг меняется, но, когда я смотрю на Константинополь, мне кажется, что время здесь остановилось. Если бы сейчас Константин Великий взглянул на город, основанный им тысячу лет назад, он без труда узнал бы его, несмотря на ужасное запустение, которое царит повсеместно.

Грустно покачивая головой, он добавил:

– Я чувствую, что время, которое история отвела Константинополю, подходит к концу. Нас ожидает судьба Рима. Но мы еще можем бороться, и я сделаю все, чтобы защитить свое государство. Надеюсь, Господь поможет мне в этом.

Я терпеливо выслушал речь своего господина и лишь затем промолвил:

– Мне хотелось бы верить, что Господь услышит ваши молитвы, но прежде следует заручиться поддержкой иных сил.

Константин кивнул головой, веля мне продолжать.

– Армия и религия – вот две надежные опоры для трона, – произнес я. – Но если солдаты готовы отдать за вас жизнь, то многие простые горожане, поддавшись на проповеди Марка Эфесского, готовы взяться за оружие, чтобы сохранить независимость православной церкви. Вам не заслужить их доверия, если вы вступитесь за латинян.

– Люди всегда верят своим пастырям, – задумчиво произнес Константин. – К тому же я и сам отчасти разделяю воззрения Марка, он умеет находить дорогу к сердцам людей.

– Мне уже довелось в этом убедиться, – вкрадчиво промолвил я. – Георгий Куртесий, наш общий друг, уже переметнулся к его сторонникам. Странная метаморфоза – государственный судья и член синклита вдруг ударился в религию и превратился в обычного фанатика.

– Опасного фанатика, – поправил меня Константин. – Куртесий никогда не понимал, что речи Марка, сколь бы правдивыми они ни были, не принесут много пользы. Оба они замкнулись в своей вере и не хотят видеть, что творится сейчас в государстве. Они настраивают народ не только против Рима, но и против моего брата, называют его отступником, как когда-то называли Юлиана²¹. Этого я простить им не могу.

Константин отошел от парапета.

– Но пока не будем об этом. Лучше обсудим, что нам предстоит сделать, – сказал он, предлагая мне сесть.

Мы устроились за небольшим столиком, который стоял тут же, на террасе.

– Крестовый поход имеет своей целью изгнание турок из Сербии и Болгарии, – продолжил Константин. – А мы должны позаботиться о наших собственных интересах.

– Что вы имеете в виду? – взволнованно спросил я.

²¹ Юлиан II – византийский император, правивший в IV веке н. э. За свою приверженность к язычеству и гонения на христиан получил прозвище «Отступник».

– Я имею в виду Балканы, – ответил Константин, проводя рукой над столом, словно там была расстелена карта. – Пока турки отвели свои основные силы на север, мы ударим по их южным рубежам. Закрепиться на полуострове будет несложно – греки устали от османского гнета и будут всячески содействовать нашему делу. Кроме того, афинский герцог Нерио обещал поддержать нас, если я предоставлю защиту его владениям.

Имя афинского герцога оживило в моей памяти не самые приятные воспоминания.

– Нерио всегда боялся турок больше, чем василевсов, и я не уверен, что он решится действовать открыто против султана, – засомневался я. – К тому же есть определенные осложнения личного характера...

– Понимаю твои опасения, – уловил мой намек Константин и, подлив себе немного вина, продолжил. – Нерио не забыл, что я поддерживал его противников в борьбе за афинский престол, однако он должен понимать, какая опасность нависла над его княжеством со стороны османов. Старые счета должны остаться позади, главное, что сейчас наши цели совпадают. Он нуждается в союзе с нами не меньше меня, поэтому я надеюсь на его помощь.

– История показала, что Нерио слаб и ненадежен, – упорствовал я. – Не следует полагаться на него полностью. Он до сих пор правит лишь по милости султана.

– Именно поэтому он и будет действовать заодно с нами. Ему известен переменчивый нрав турецкого правителя.

Осушив свой кубок, Константин посмотрел на меня и спросил:

– Что скажешь, Георгий? Ты одобряешь мой план?

Помолчав несколько секунд, я промолвил:

– Я больше дипломат, нежели воин, и не могу рассуждать о таких вещах, как военная стратегия, однако вполне представляю себе политические последствия этого шага.

– Продолжай. – Константин не сводил с меня глаз.

– С одной стороны, вы без борьбы уступаете престол своему брату Феодору. Однако война, которую вы развяжете на Пелопоннесе против турок и латинян, объединит греческие города под вашей рукой и обеспечит верность армии. Ваши победы сделают вас кумиром народа, в то время как ошибки Феодора могут подорвать его авторитет.

– Ты неисправим, Георгий, – рассмеялся Константин. – Во всем ищешь политическую выгоду.

– Просто я слишком хорошо знаю характер вашего брата и понимаю, чего ждут люди от своего правителя, – объяснил я, по примеру Константина наполняя свою чашу янтарным вином, которое источало аромат императорских виноградников. – Если военная удача будет на вашей стороне и Балканы вернутся в состав империи, то это станет первым шагом к восстановлению нашего государства. Греки не забыли о своем великом прошлом и мечтают вернуть его.

– Многое может возродиться из того, что уже умерло²², – задумчиво кивнул Константин.

Я поставил чашу на стол, так и не притронувшись к напитку.

– Следует понимать, что это возможно лишь в том случае, если крестовый поход закончится удачно, – заметил я. – В противном случае Мурад обрушится на вас со всей силой, и тогда помощи ждать будет неоткуда. В одиночку удержать Балканы невозможно, а участь тех, кто вздумает сопротивляться османам, слишком хорошо известна.

Константин продолжал смотреть на меня, но мысли его, кажется, были уже далеко за Эгейским морем, где находились благодатные земли Морейского деспотата. Когда я закончил свою речь, он промолвил:

– Я понимаю, чем рискую, Георгий. Но теперь нет места колебаниям. Либо я сделаю что задумал, либо буду до конца своих дней сожалеть об упущенной возможности вернуть наши

²² Multa renascentur, quae jam cecidere (лат. Гораций).

исконные земли, где продолжают жить тысячи православных греков. Малодушие – лежать, если ты можешь подняться!²³

Я знал Константина с раннего детства и не раз видел огонь, который вспыхивал в его глазах. Он был полон решимости совершить задуманное, и если бы я даже захотел, то не смог бы его остановить.

– Через неделю я отправляюсь на Пелопоннес, – заявил Константин, когда волна нахлынувших на него чувств несколько спала. – Феодор же прибудет в Константинополь. Однако здесь он задерживаться не должен, ты понимаешь меня?

Я кивнул.

– Среди его сторонников очень много вельмож, которые заинтересованы в смерти императора, – продолжал напутствовать меня Константин. – Поэтому ты должен как можно скорее сопроводить Феодора подальше от столицы – в Селимврию. Там он не сможет злоумышлять против Иоанна. Как только исполнишь это поручение, приезжай ко мне в Мистру²⁴. Мне понадобится твоя помощь.

– Я последую за вами куда прикажете и буду рад оказаться полезен, – поспешил заверить я. – Однако при дворе ходят недобрые слухи. Я слышал про заговор с целью убить императора и боюсь, что это убийство не вызовет гнева людей. Вы нужны здесь, господин!

– Нет! Я должен ехать, – твердо сказал Константин. – Мое дело – война, твое – дипломатия. Только тебе я могу доверять и прошу: следи за всем, что происходит при дворе. Император любит тебя и прислушивается к твоим советам, так постарайся оградить его от опасности.

Мне пришлось согласиться. Напряжение в Константинополе действительно нарастало день ото дня – религиозные фанатики, ведомые Марком и Куртесием, с одной стороны, коварные замыслы вельмож и царевичей – с другой. В такой ситуации Иоанну могла потребоваться поддержка верных людей.

Мы допили вино и распрощались. Было отрадно видеть, что Константин преисполнен энтузиазма и вновь рвется в бой, однако избранный им путь был слишком опасен и вселял страх за жизнь моего доброго покровителя.

Я покидал покои своего господина в глубокой задумчивости и не сразу заметил Анастасию, которая, словно призрак, вдруг предстала передо мной. На ней был тонкий полупрозрачный хитон, который лишь подчеркивал красоту ее тела. Черные, слегка растрепанные волосы спадали на плечи, а кожа была такой белоснежной, что казалось, будто она светится в темноте.

– Здравствуй, – поприветствовал я девушку, хотя и знал, что не получу ответа. Анастасия лишилась дара речи еще до моего знакомства с ней, впрочем, вполне возможно, что говорить она не умела никогда.

При дворе Константина Анастасия появилась менее года назад, почти сразу после несчастной кончины второй супруги деспота. Убитый горем, царевич искал утешения в вине и молитвах, но нашел его лишь в этой хрупкой девушке, по воле рока оказавшейся на его пути. Иначе как еще можно объяснить то загадочное стечение обстоятельств, что позволило им встретиться на этой земле?

Возвращаясь из очередной морской экспедиции против османских пиратов, Константин наткнулся на разбитый о скалы когг, не имевший никаких знаков принадлежности к какому-либо государству. Из всего экипажа выжила только одна девушка, каким-то чудом сумевшая продержаться в холодной воде, уцепившись за обломок мачты. Когда несчастную подняли на палубу, она почти не дышала, и едва ли ей удалось избежать цепких лап смерти, если бы не чудом оказавшийся в этих водах Константин. Вскоре девушка очнулась, но сказать, откуда она

²³ «Малодушие – лежать, если ты можешь подняться». Высказывание принадлежит св. Исааку Сирину, одному из наиболее ранних и почитаемых христианских писателей. Проживал приблизительно в 7 веке н. э. на территории нынешней Сирии.

²⁴ Мистра – во времена Византийской империи являлась столицей Морейского деспотата.

и как ее зовут, не смогла. Немота, похоже, была врожденной, поскольку саму девушку данный факт нисколько не смущал. При дворе ей дали имя Анастасия, что буквально означает «возвращенная к жизни». С того дня Анастасия не отходила от Константина ни на шаг, ловила каждый его вздох, а в ее больших бездонных глазах читалась глубокая признательность к своему спасителю. Очень часто человек проникается симпатией к тому, кому обязан жизнью. А мы словно берем ответственность за дальнейшую судьбу спасенного, привязываемся к нему незримыми нитями. Нечто подобное испытывал и Константин. Потеряв жену, он нуждался в человеке, который бы сам нуждался в нем. Анастасия с готовностью приняла эту роль и превратилась в некое подобие тени для своего покровителя.

Тогда я еще не знал, какую роковую роль предстояло сыграть этой хрупкой и безмолвной красавице в судьбе Константина, да и всей империи.

* * *

Покидая Влахернский дворец, я едва не столкнулся с Иоанном Далматасом – еще одним неотлучным спутником Константина и его давним боевым товарищем. Это был крепкий загорелый мужчина тридцати пяти лет с мужественными чертами лица, голубыми глазами и светлыми волосами. Он был прирожденным воином со всеми присущими настоящему солдату качествами. Честь и благородство не были для него пустым звуком, кроме того, он был далеко не глуп. Во дворце Далматаса недолюбливали. Вероятно, всему виной была его прямолинейность – Иоанн не умел скрывать своих чувств и часто говорил в лицо все, о чем было бы благоразумнее промолчать.

Поначалу я также не воспылал к нему теплыми чувствами, но вскоре понял, что это абсолютно бескорыстный и честный человек, который так же был беззаветно предан Константину, как и я сам.

Далматас кивком ответил на мое приветствие.

– Я слышал, что Константин берет тебя с собой в Морею? – спросил я, останавливая его на бегу.

– Да, он оказал мне такую милость, – ответил Далматас. – Судя по всему, нас ожидает грандиозная кампания. А то я уже начал бояться, что скорее состарюсь, чем снова возьму в руки меч.

– Уже рвешься в бой? Неужели мирная жизнь недостаточно хороша для тебя?

– Признаться честно, я рад, что представилась возможность поскорее уехать отсюда. Устал от бездействия, от двора и интриг, устал, что латиняне устанавливают свою монополию на торговлю и ходят в шелках, пока обычные греки с трудом добывают себе пропитание. В своем собственном городе мой народ стал изгоем! Как можно спокойно смотреть на все это? – Иоанн покачал головой. – Нет. Мое место определенно не здесь. По мне, так лучше достойная смерть в бою, чем жалкая жизнь среди лицемеров и лжецов. Я солдат и должен быть там, где приношу наибольшую пользу своей стране.

– Брось! Ты же еще так молод, Иоанн! – воскликнул я. – Найди себе хорошую жену, заведи детей, построй дом, в конце концов! У каждого человека должно быть место, где его ждут те, кого он любит и куда ему хотелось бы возвращаться снова и снова. Разве это не есть счастье? Разве человек создан для того, чтобы убивать и разрушать, подчиняясь бессмысленному инстинкту?

– Нет. Но он должен уметь защищать то, что создает, – хмуро проговорил Далматас. – Кто защитит мою семью в случае моей гибели? Я отдал императору право распоряжаться своей жизнью, когда вступил в ряды его армии, и не хочу оставлять жену вдовой, а детей сиротами. Слишком много я повидал таких семей.

Из родственников Иоанна в живых оставались только старшая сестра и ее маленькая дочь, они жили на одном из небольших островков в Эгейском море, который до сих пор нахо-

дился под властью Константинополя. Остальная семья Далматаса погибла при взятии турками Фессалоники десять лет назад. Возможно, именно это событие определило его дальнейшую судьбу и стало причиной того, что Иоанн так никогда и не был женат.

– Ну что же, решать тебе, – вздохнул я. – Возможно, однажды ты изменишь свое мнение.

– Не раньше, чем это сделает Константин, – неожиданно произнес Далматас. – Вот о ком ты должен беспокоиться в первую очередь, Георгий. Я слишком хорошо помню тот день, когда не стало нашей госпожи. С ее последним вздохом Константин потерял смысл жизни, и я вижу, что эта рана не дает ему покоя до сих пор.

Я нахмурил брови, вспоминая прекрасную супругу моего господина, погибшую в расцвете своей красоты.

– Прошло еще не так много времени со смерти Екатерины, – произнес я. – Боль утраты до сих пор гложет Константина, и он не желает прислушиваться к моим советам. В той трагедии он винит только самого себя, хотя всем известно, что лишь неудачное стечение обстоятельств послужило причиной гибели госпожи. Я постараюсь убедить его, что новый брак необходим как для его подданных, так и для него самого, однако сомневаюсь, что сейчас он согласится со мной. Будем ждать, Иоанн. Во время похода постарайся быть все время рядом с ним, а об остальном я позабочусь.

Далматас явно торопился, да и меня ждали дела. Простившись с ним, я спустился по ступеням Влахернского дворца и, оказавшись в тесном лабиринте улиц, двинулся в сторону городских ворот.

Вдалеке блестел купол храма Святой Софии – грандиозного сооружения, воздвигнутого тысячу лет назад в дни расцвета империи и поражавшего всех своими небывалыми размерами и красотой. Для людей, впервые увидевших этот собор, он представлялся созданием небесных сил, а те, кто лишь слышал о нем, не могли поверить, что такое чудо действительно может существовать на земле.

Храм стал свидетелем многих событий, происходивших в Константинополе за долгие века. Дважды он был разрушен в результате землетрясений, а в 1204 году пришло новое бедствие. Алчные европейцы овладели городом и ворвались в храм, прослышав о неисчислимых богатствах, хранящихся в нем. Позабыв о своей христианской вере, они разграбили и осквернили святое место, не останавливаясь ни перед убийством монахов, ни перед расхищением императорских усыпальниц. Множество драгоценностей, золотых украшений и священных реликвий было вывезено в Европу. После изгнания крестоносцев из Константинополя в 1261 году и восшествия на престол ныне властвующей династии Палеологов внутреннее убранство храма Софии было частично восстановлено, однако вернуть собору его былое величие так и не удалось.

От ворот я двинулся по центральной улице Константинополя – Месе, вдоль которой теснились прилавки торговцев, ювелиров и ремесленников. Это была самая оживленная часть города. Горожане спешили по делам, иностранцы разглядывали старые постройки и церкви, богато одетые ромеи и венецианцы неспешно прогуливались по улицам, купцы из заморских стран предлагали прохожим свои диковинные товары. Сложно было поверить, что город постепенно вымирает, оставляя вместо живописных дворцов и парков только руины и заросшие поля. Население Константинополя уже давно перестало быть единым целым, обособившись в отдельные кварталы и поселения, которые в свою очередь были обнесены собственными стенами или заборами.

Да, кое-где еще стояли богатые постройки, но было видно, что город терзает бедность. Правительство расходовало последние деньги на содержание общественных учреждений, но с каждым годом блеск Константинополя тускнел, и даже императоры, испытывая крайнюю нужду, ограничивали себя во всем.

Однако этот неповторимый город, которому перевалило за тысячу лет, продолжал изумлять каждого, кто попадал сюда. Казалось, что сами стены его были пропитаны мистическим духом прошлого, памятью о той древней цивилизации, что навсегда исчезла в глубине веков и стала основой для мифов и легенд, которые будут рассказывать потомкам.

И все же Константинополь по-прежнему возвышается на берегах Босфора как зримый памятник ушедшей эпохе. Мне хотелось верить, что лучшие времена этого города еще впереди...

Глава 5

Халиль-паша

Расплата

Sibi quisque peccat.

(Каждому приходится расплачиваться за свои грехи)

Петроний

Меня зовут Халиль Чандарлы. Я потомок древней и знатной династии. Мой дед, а затем отец были великими визирями, и я унаследовал их власть и могущество, чтобы служить Османскому государству. Видит Аллах, я не желал для себя ни богатства, ни славы, и лишь благо империи являлось благом для меня самого. Много лет я находился на службе у султана Мурада II и смиренно выполнял свой долг. Кто мог знать, что всего за несколько дней моя жизнь круто изменится и мне придется выдержать многие испытания, главное из которых, похоже, еще впереди. О Аллах! Помоги мне достойно перенести все горести, не позволяя страху овладеть моей душой и позволь поскорее предстать перед твоим светлым ликом...

* * *

За несколько лет до этого

Султан Мурад спустился в зал для переговоров, где его уже дожидались члены дивана во главе с великим визирем. Низко склонившись, Халиль первым поприветствовал повелителя.

– Я рад, что вы наконец решили прервать свое уединение, – прошептал он, целуя перстень на руке султана.

Мурад бросил на визиря усталый взгляд.

– Я и так слишком долго избегал своего сына.

Затем Мурад коротко ответил на приветствие остальных сановников, после чего каждый занял отведенное ему место. В просторном зале воцарилась напряженная тишина. Все с нетерпением ожидали появления того, кому в недалеком будущем будет суждено принять бразды правления Османским государством.

Через минуту появился смуглокожий кизляр-ага и, низко поклонившись султану, объявил:

– Принц Мехмед покорно ждет приглашения!

– Пусть войдет, – приказал султан.

Евнух снова поклонился и скрылся за порогом. Через считанные мгновения большие двери зала распахнулись, и в комнату вошла группа людей. Среди них было несколько седовласых улемов и высокопоставленных сановников – все в расшитых золотом кафтанах и белоснежных тюрбанах. Впереди, гордо вскинув подбородок, шел мальчик двенадцати лет. Его внешнее сходство с султаном сразу бросилось в глаза окружающим, и все внимание было приковано исключительно к нему одному.

Халиль с интересом разглядывал молодого принца, которого не видел уже многие годы. Отдельные черты Мехмеда напоминали его мать, красавицу-гречанку, в остальном он был точной копией отца: точно такой же болезненно-бледный цвет лица, на котором выделялся крючковатый нос и полные алые губы, непослушные черные волосы, короткая шея и широкие плечи.

При этом он был довольно красив. Особенно поражали его выразительные глаза, отливающие каким-то необычным желтоватым блеском.

Мехмед был хорошо знаком с дворцовым этикетом и делал все как положено. Присутствие стольких видных вельмож нисколько не смутило мальчика. Наоборот, казалось, чувство собственной значимости переполняет его. Он с интересом осматривался по сторонам и взирал на вельмож с вызовом, присущим людям гордым и тщеславным.

Султан же был воплощением спокойствия и внимательно смотрел на Мехмеда, как будто стараясь проникнуть в его душу. Даже когда спутники принца, взяв слово, стали подносить повелителю дары и восхвалять своего воспитанника, Мурад продолжал глядеть на своего сына, не произнося ни слова.

Мехмеда этот взгляд, похоже, нисколько не тяготил. Когда его учителя закончили свою речь, Мурад поблагодарил их и любезно попросил сына рассказать о своей жизни в Манисе и о том, чему он там научился.

Мехмед держался достойно: не робел и отвечал уверенно. В нем чувствовался внутренний стержень. Тем не менее было видно, что образованием принца не сильно занимались – на многие вопросы султана касательно наук он отвечал с трудом, а когда Мурад решил проверить познания принца в иностранных языках, Мехмед впервые засмутился и не смог ответить ни на один из вопросов отца.

Во взоре Мурада блеснула искра крайнего неудовольствия, однако он сумел скрыть чувства под маской притворного благодушия.

– Вы проделали долгий путь, – обратился султан к своим гостям. – Ступайте и немного отдохните.

Он сделал знак евнухам, а те попросили Мехмеда и его свиту следовать за ними. После этого султан отпустил и всех прочих вельмож, только Халилю было дозволено остаться. Когда двери закрылись, султан обратился к визирю:

– Что скажешь, Халиль? Как тебе наш наследник?

– Мальчик неглуп, повелитель, – подобострастно начал Халиль. – Но, на мой взгляд, следует заняться его обучением.

– Верно, Чандарлы, – согласился Мурад. – Образованием и воспитанием Мехмеда практически не занимались. Все полагали, что ему никогда не стать султаном, и потому на многое закрывали глаза. Тут есть и моя вина, нужно было уделять сыну больше внимания, но я не мог и подумать, что судьба так распорядится жизнями его старших братьев.

Султан тяжело вздохнул и несколько секунд сохранял молчание.

– Что же, я исправлю эту ошибку, – произнес он спустя некоторое время. – С сегодняшнего дня найми ему лучших учителей. Пусть изучает языки, литературу, философию и другие науки. Я хочу также, чтобы ты вызвал сюда Ахмеда Курани. Пусть Мехмед учится под его присмотром.

– Не беспокойтесь, повелитель. Я все исполню.

– Хорошо. Мехмеду будет нужна твоя поддержка. Постарайся стать ему другом и завоевать его доверие. – Султан взглянул в глаза визиря. – Я полностью полагаюсь на тебя, Халиль.

– Благодарю вас, повелитель. – Визирь низко поклонился. – Для меня честь служить вам и вашей семье.

Мурад одобрительно кивнул.

– Теперь расскажи мне, что сейчас происходит на западе, – переменял тему султан. – У меня есть сведения, что крестоносцы уже перешли Дунай. С каждым днем они продвигаются все дальше и становятся все сильнее.

– К сожалению, это так, – ответил Халиль. – Крестоносцы ежедневно получают пополнение из числа местных христиан. Однако Турахан-бей уже собрал войско и сейчас движется навстречу венграм. Ему на помощь идет подкрепление, во главе которого стоит славный Искан-

дер-бей. Если христиане рискнут дать генеральное сражение, то исход кампании может быть определен уже в первых числах ноября.

Однако радужные заверения визиря не удовлетворили Мурада.

– Не стоит недооценивать противника, – сурово произнес он. – Этот Хуньяди пока не знал поражений. Если наша армия потерпит неудачу и на этот раз, то мы потеряем контроль над всей Сербией. Полагаю, что и греки попробуют урвать свой кусок – у них есть свои интересы на Балканах, и, видимо, скоро там будет неспокойно. Кроме прочего, меня тревожит Караман, который только и ждет, когда мы ослабим свои позиции на востоке... Нас окружают шакалы, Халиль. И если мы потеряем бдительность, нас разорвут на куски.

Султан поправил перстень на руке и продолжил:

– Кроме того, до меня доходят слухи о предательстве. Говорят, что некоторые наши крепости и города на западе сдаются без боя. Ты мне об этом ничего не докладываешь!

– Этого не может быть, повелитель, – поспешил оправдаться Халиль. – Я бы знал.

Султан поднял на визиря усталый взгляд.

– Ты, похоже, осведомлен не лучше меня, – вздохнул Мурад. – Но я не стану винить тебя за это. В последнее время многие вельможи стали скрывать правду. Они боятся моего гнева и стараются выставить все в благоприятном свете, не понимая, что их недомолвки угрожают благополучию и безопасности империи!

Султан опустил взор к полу и глухо добавил:

– Все думают, что из-за смерти сына я стал слаб и уже не в состоянии управлять державой. – Мурад сжал кулаки. – Они ошибаются, Халиль. Вот увидишь, у меня еще останется сил, чтобы в последний раз послужить своему народу.

Султан нахмурил брови и почесал лоб. Некоторое время он молчал, словно собираясь с мыслями, но затем вновь поднял на визиря свой тяжелый взор.

– Что там с Хизиром? Ты нашел способ вытянуть из него правду?

Халиль ждал этого вопроса. Уже целый месяц убийца принца Алаэддина и его детей сидел в темнице и отказывался выдавать своих сообщников. Он уверял, что действовал в одиночку, а в качестве мотива называл личную обиду на принца. Самые страшные пытки оказались бесполезны – Хизир продолжал упорно твердить одно и то же. Через неделю после заключения в Эдирне к пленнику пожаловал сам повелитель с тем, чтобы лично допросить убийцу своего сына. Однако даже присутствие султана не позволило вытянуть из покалеченного узника ни слова. Такая несговорчивость разозлила Мурада. В порыве гнева он выхватил свой меч и изрубил бы Хизира на куски, если бы не увещевания великого визиря, который умолял не торопить смерть узника. С большим трудом Мурад сумел подавить ярость, но потом еще долгое время пребывал в чрезвычайно скверном настроении, вновь замкнувшись в себе.

Сам же великий визирь не терял времени даром. Все свои средства он сосредоточил на поисках семьи Хизира. Это был единственный ключ, позволяющий раскрыть тайну, которую скрывал бывший сановник. Работа была не из легких, кто-то приложил все усилия к тому, чтобы поиски зашли в тупик. Кроме того, Халиля не оставляла мысль, что родственников убийцы могли уничтожить в первую очередь, устранив тем самым единственный способ подавить волю пленника.

Однако упорство визиря вскоре принесло свои плоды – через месяц удалось найти и допросить одного из дальних родственников Хизира, то был старик, о котором, судя по всему, забыла даже его родня, вероятно, поэтому заговорщики не стали его трогать. Он знал немного, однако для Халиля и этого оказалось вполне достаточно. Через неделю люди визиря напали на след, и вскоре в их руках оказалась практически вся семья Хизира. Это была личная победа визиря, и он ликовал. Теперь оставалось надеяться, что сердце убийцы еще не настолько очерствело, чтобы, видя муки своих родных, не возжелать помочь хотя бы им.

Халиль ждал вопроса повелителя и знал, что на него ответить.

– Преступник близок к тому, чтобы рассказать нам все, что знает. Мы уже вытянули из него сведения, каким образом он сумел пробраться в покои принца незамеченным. В этом деле был замешан кое-кто из охраны вашего сына, но этих людей уже нет в живых. Имена основных заговорщиков этот презренный пока не называет, но это вопрос времени. Обещаю, к концу недели мы узнаем от этого человека все, что нам нужно.

– Поторопись, Халиль, – прорычал султан. – Я не могу дышать одним воздухом с этим шакалом! Пусть выдаст свою стаю и отправляется на суд к Аллаху! К концу недели буду ждать от тебя подробный отчет.

Халиль почтительно склонил голову, ожидая дальнейших распоряжений султана.

– Теперь можешь идти, – сказал Мурад. – И помни: сейчас ты – мое доверенное лицо, я отдал в твоё распоряжение и свою империю, и своего сына. Постарайся не подвести меня.

Пожелав падишаху долгих лет жизни, Халиль вышел в коридор и лишь теперь смог перевести дыхание.

Сейчас в руках великого визиря сосредоточилась огромная, практически неограниченная власть в Османском государстве, но султан, похоже, был готов дать ему гораздо больше. Ни отец, ни дед Халиля не могли мечтать о таком безраздельном могуществе! В детстве они учили его беспрекословно повиноваться султанам и выполнять каждое повеление без трепета и сомнений, но теперь Халилю этого показалось мало!

На пути к вершинам власти он преодолел множество опасностей, отправил на тот свет не одного конкурента, и вот, добившись всего, о чем мечтал, Халиль был вынужден стать простым исполнителем султанской воли! Даже его собственная жизнь зависела от прихоти повелителя, ибо он в любой момент мог превратить могущественного визиря в пыль, что прибавается к подошвам бедняков на рыночной площади Бедестана²⁵! И хотя Халиль знал, что Мурад никогда бы так с ним не поступил, опасения были отнюдь не беспочвенны. Он не раз слышал о шелковых шнурах, которыми евнухи душили неугодных сановников. Другим султан отправлял этот шнурок в качестве подарка, и вельможа сам приводил приговор в исполнение. Сколько уже таких приговоров было вынесено за последние годы, и сколько несчастных сгинуло бесследно в мрачных коридорах султанского дворца!

От всех этих мыслей визирю стало не по себе, однако его мрачные размышления прервали громкие голоса, которые раздавались из смежного коридора. Через несколько секунд из-за поворота появилась группа вельмож, во главе которых шел невысокий круглолицый человек, хорошо знакомый великому визирю.

– Шехабеддин-паша?! – Халиль был крайне удивлен такой встрече. – Что ты здесь делаешь?

– Приветствую тебя, визирь, – сказал, поклонившись, Шехабеддин и расплылся в улыбке. – Я прибыл сюда по приказу нашего повелителя!

Хотя Халиль прекрасно понимал, что без приказа государя этот презренный человек никогда бы не посмел явиться в столицу, такой ответ сильно уязвил его самолюбие.

– С какой же целью государь вызвал тебя? – поинтересовался визирь, хищно вглядываясь в лицо своего давнего соперника.

– Об этом мне не сообщили, – пожал плечами вельможа. – Но, вероятно, дело срочное, если я потребовался султану.

– Наш султан чрезмерно добр к своим слугам, – холодно сказал Халиль. – Он простил тебя за твои военные промахи, но не стоит думать, что он позабыл о них. Благосклонность нашего повелителя заслужить легко, но гнев – еще проще, так что впредь будь аккуратней, паша.

²⁵ Бедестан – знаменитый крытый рынок в Эдирне.

Улыбка Шехабединна несколько потускнела, однако он быстро справился с собой и дружелюбно ответил:

– Моя жизнь – ничто. Я с радостью готов принести ее в жертву нашему властелину!

– Не нужно пустой болтовни! – резко перебил его Халиль. – У Железных ворот сложили головы многие тысячи наших солдат, ты же сдался в плен, предпочитая позор достойной смерти. И вот теперь ты стоишь передо мной, целый и невредимый, пытаешься уверить меня, что для тебя жизнь не имеет никакого значения? В таком случае знай: я не султан, тебе не нужно передо мной оправдываться! Но если повелитель доверит твою жизнь в мои руки, хорошо подумай, какие аргументы ты приведешь, чтобы спастись от неминуемой кары.

Не дожидаясь ответа, Халиль резко развернулся и пошел прочь, пытаясь совладать с нахлынувшим на него гневом. Он не сомневался, что этот разговор скоро станет известен повелителю. Шехабедин-паша был довольно влиятельной фигурой во властных кругах Османской империи, и еще никто не смел разговаривать с ним подобным образом. Однако даже ему не доставало сил тягаться с великим визирем, и Халиль это знал. Он считал свои слова вполне справедливыми, потому ни за что не стал бы извиняться за сказанное, даже если того потребует султан!

Однако визирь был раздосадован отнюдь не из-за того, что в порыве гнева опустил до угроз. Он не понимал, почему повелитель не сказал ему ни слова о приезде Шехабединна. До сих пор Халиль считал, что пользуется полным доверием Мурада, ведь раньше у государя не было от него тайн. Почему же он не предупредил его о своих планах на этот раз? И что это за срочная миссия, ради которой Шехабедин так спешно явился в столицу?

Халиль предчувствовал недоброе. Его интуиция говорила, что в Османском государстве грядут роковые перемены, а за долгие годы при султанском дворе он научился доверять интуиции, которая еще ни разу его не подводила.

Не подвела она его и теперь...

* * *

В тот вечер великий визирь допоздна работал в своем кабинете, расположенном неподалеку от покоев султана. Глаза уже начинали слипаться, и, рассудив, что остальные дела могут подождать до завтра, он стал собираться домой. Поместье Халиля находилось совсем недалеко от дворца, и в хорошую погоду можно было без труда преодолеть этот путь пешком. Однако в распоряжении визиря всегда находилась повозка, готовая в любой момент доставить его в нужное место.

Едва Халиль вышел в коридор, как мимо него пробежало сразу несколько евнухов, состоявших на службе в гареме. С ужасом в глазах они без устали судачили друг другу о каком-то «ужасном происшествии». Остановив и расспросив одного из них, Халиль узнал, что этой ночью в темнице тяжело ранили какого-то узника.

По спине визиря пробежал холодок.

«Неужели они добрались до него? – промелькнула мысль в его голове. – Но как? Я же принял все возможные меры!»

Через несколько минут Халиль спустился в подземелье, где находились пленники, и быстрым шагом направился в его самый дальний конец. Впереди, в полумраке, царило непонятное оживление. У одной из темниц столпились четыре стражника, главный тюремщик и еще несколько незнакомых людей, по-видимому, врач и тюремная прислуга.

Заметив визиря, все расступились и притихли. Халиль перешагнул через порог, ведущий в камеру, и глухой стон вылетел из его груди.

Кара-Хизир, убийца Алаэддина и его детей, неподвижно лежал на полу. Из перерезанного горла все еще сочилась живая кровь, поблескивая в неровном пламени факелов. Глаза

мертвеца неподвижно глядели в потолок, а на лице его не было ни страха, ни ужаса, ни печали, а только безмятежное спокойствие.

Глава 6

Ноябрь 1443 года

Первые победы

3 ноября 1443 года

Сегодня нас ожидало первое серьезное столкновение с армией османов.

Как и предвидел Янош Хуньяди, турки одним мощным броском перерезали нам путь к отступлению на запад, а затем стали готовиться к решающему сражению. Османы разбили свой лагерь на опушке возле реки Моравы, несомненно, планируя дать бой именно в этом месте, однако наш воевода сумел выманить их в поле недалеко от города Ниш. Место он приметил заранее и сумел как следует подготовиться к предстоящему сражению.

Турки появились ранним утром третьего ноября и развернули свои войска на другом конце поля. Их армия была велика – она примерно вдвое превосходила нас числом. Тем не менее было заметно, что наши противники привели с собой большое количество плохо обученных крестьян, набранных из подконтрольных османам христианских деревень и городов. Многие из этих несчастных испуганно озирались по сторонам, другие недобро поглядывали на турецких чаушей²⁶ размахивающих плеткам над их головами. Не слишком надежные воины, впрочем, недостаток профессиональных солдат ощущался и у нас, поэтому исход битвы в конечном счете должны были решать талант командиров и военная удача.

Солнце едва взошло, когда две армии схлестнулись в жестокой битве.

Волна за волной обрушивались османы на позиции христиан, однако так и не смогли добиться успеха. Потеряв убитыми несколько сотен человек, турки отступили, но лишь затем, чтобы, перегруппировавшись, атаковать снова.

После ожесточенной схватки правый фланг нашей армии стал медленно отступать и османы, издавая победные крики, ринулись на крестоносцев, желая обратить их в бегство. Однако отступление происходило организовано, и турки каждый раз наталкивались на железную стену из щитов и копий. Османский командир, увидев, что на правом крыле его войскам сопутствует успех, послал им на помощь дополнительные силы. Турки полагали, что уже завладели инициативой, и остервенело рвались вперед, подбадриваемые победным боем литавр и пронзительным воем медных труб.

В тот момент, когда османы вклинились в ряды христиан достаточно глубоко и стали теснить их по всему фронту, Янош Хуньяди подал знак своим военачальникам, и протяжный гул десятков боевых рогов разнесся по полю битвы, перекрывая звуки турецкого оркестра.

Османы не сразу поняли, что произошло, и продолжали напирать на плотно сбившиеся ряды крестоносцев. В этот момент наша тяжелая кавалерия показалась из-за холмов. Увидев это, турецкий военачальник стал поспешно отдавать новые приказания, но было уже слишком поздно.

Противник попался на нашу уловку. Многие тысячи турецких солдат оказались в ловушке, когда стальная лавина закованных в доспехи христианских рыцарей обрушилась на них с тыла. В тот же самый момент раздался новый сигнал, и тяжелая пехота крестоносцев вдруг прекратила отступление и, выставив мечи и копья, принялась буквально перемалывать застигнутых врасплох магометан. Оказавшись в прямом смысле слова между молотом и наковальней, турки в мгновение ока утратили боевой дух и бросились врассыпную, помышляя лишь о том, чтобы спасти свои жизни.

²⁶ Чауши – посыльные. В османской армии также исполняли функции военной полиции.

В считанные минуты османская армия была деморализована, что и предрешило исход битвы. Отчаянно пытаясь переломить ситуацию, турецкие военачальники пустили в ход последние резервы, преимущественно состоящие из янычар. Эти воины сражались без страха и гибли с улыбкой на устах, но даже они были не в силах сдержать натиск тяжелой кавалерии. Вскоре все до единого янычары оказались перебиты или втопты в грязь копытами лошадей. Бой продолжался еще около часа, пока немногие оставшиеся в живых турки не обратились в бегство, преследуемые нашей конницей.

Среди бегущих я заметил и османского полководца. Отбросив свое знамя и растеряв всю свиту, он спешил укрыться в лесной чаще, которая виднелась неподалеку. Заметив это, я прищипорил коня и бросился следом. После утомительного многочасового сражения силы моего скакуна были на исходе, но я был уверен, что их еще хватит для этого безумного броска.

Османский военачальник не сразу услышал погоню и, уже уверовав в свое спасение, хотел сбавить темп, однако, увидев меня, снова попытался оторваться.

Гул битвы быстро остался позади, и вот мы уже мчались вдоль реки, распугивая притаившихся в камышах уток. Конь турецкого офицера был хорош, но недостаточно вынослив и силен, чтобы долго выдерживать галоп с закованным в тяжелые доспехи всадником на спине. Мой же все еще был способен сохранять набранный темп, и я знал, что этого будет достаточно.

Вскоре дистанция между мной и османским полководцем начала сокращаться, я уже видел вспотевшее и перепуганное лицо агарянина, когда из леса выскочил огромный отряд сипахов. Они появились со всех сторон и уже вскинули луки, готовясь настигнуть меня стрелами.

– Стойте! – услышал я знакомый голос. Вперед выехали двое мужчин в отливающих золотом юшманах²⁷ и высоких шлемах. В одном из них я сразу же узнал Ису, таинственного силахдара, с которым встречался Янош Хуньяди еще в начале похода.

– Ты действительно прыток, Константин, не напрасно воевода доверяет тебе, – произнес Иса, и на губах его промелькнула улыбка.

– Похоже, на твой счет он ошибался, – выдохнул я, уже готовясь к смерти.

Иса покачал головой и взмахнул рукой, но вместо того, чтобы пустить в меня стрелы, сипахи опустили оружие.

– Ты многого не знаешь. – Османец окинул меня взглядом. – И не понимаешь.

В этот момент к нему обратился второй всадник – сурового вида воин с крючковатым носом и длинной черной бородой:

– Мы теряем здесь время, а путь неблизкий.

Иса почтительно склонил голову, сделал знак отряду, и через секунду всадники сорвались с места и устремились в сторону реки.

– Прощай, Константин, – махнул на прощание Иса. – Если на то будет воля Господа, мы еще встретимся!

С этими словами он прищипорил своего коня и бросился догонять своих товарищей.

Еще некоторое время я не двигался с места, решительно не понимая, что произошло. Продолжать погоню не имело никакого смысла – османский полководец давно скрылся в чаще. Поэтому я возвращался в лагерь, и голову мою занимали все новые вопросы.

* * *

Когда сражение подошло к концу, солнце стояло в зените, и уставшие воины грелись в его лучах, устроившись на бивуаке недалеко от места битвы. Само поле сплошь было усеяно мертвыми телами и тяжелоранеными бойцами. Крестоносцы бродили туда-сюда, высмат-

²⁷ Юшман – кольчужный доспех с рядами металлических пластин, которые вплетались на груди и спине.

ривая своих товарищей и добивая раненых врагов. Повсюду валялись сломанные копья, щиты, доспехи, порванные знамена и флаги османов.

Отдав последние распоряжения своим людям, я спешил на встречу с воеводой и внимательно осматривался по сторонам, пытаясь хотя бы приблизительно оценить потери нашего войска. Это сражение не прошло бесследно и для меня – клинок одного из сипахов с такой силой опустил на мою кирасу, что ее нагрудник треснул попал. Если бы этот страшный удар пришелся на незащищенное место, я бы наверняка был уже мертв, однако этой участи удостоился сам обидчик – ответным ударом я пронзил его кольчужный доспех, да с такой силой, что потом мне стоило немалых трудов вытащить лезвие меча из мертвого тела.

Неподалеку от места битвы располагался лагерь военнопленных. Там за наскоро возведенной изгородью сидели, понутив головы, пленные турки. Полураздетые, перепачканные грязью и кровью, в большинстве своем раненые – они представляли собой довольно печальное зрелище и вызывали сейчас жалость, хотя пару часов назад каждый из них, не колеблясь ни секунды, мог оборвать мою жизнь. Но теперь я видел перед собой не грозных воинов-османов, наводящих ужас на весь христианский мир, а обычных испуганных людей, которые оказались на этой войне не по зову сердца, а по приказу и принуждению. Я не мог поверить, что они могли добровольно оставить свои дома, свою семью, своих детей, чтобы умирать и убивать с именем своего Бога на устах. Но разве не жесток такой Бог, который разлучает жен и мужей, отцов и сыновей ради того, чтобы они отдавали свои жизни и забирали чужие, прославляя его имя?

С другой стороны, много крови пролилось и в христианском мире. Даже из-за подозрений в ереси теперь можно запросто отправиться на костер или сгинуть в ужасных застенках инквизиции. Об этом я был хорошо осведомлен, путешествуя по западным землям. Я слышал и видел много жутких вещей, каждый раз содрогаясь при мысли, на какие ужасные деяния способен человек, особенно тот, кто полагает, что совершает правосудие от имени Господа. Такие люди уже давно узурпировали право распоряжаться жизнью и смертью. Даже всесильные короли и императоры не всегда решаются бросить открытый вызов Церкви. Тех же, кто смеет оспаривать этот несправедливый порядок, безжалостно преследуют, пытаются, а затем передают светским властям, чтобы те «обратили плоть грешников в пепел».

Но когда и почему западные королевства стали жертвой столь опасного лицемерия? Отчего воля отдельных людей именуется «волей Господа» и обращена против тех, кто не боится поднимать свой голос в защиту справедливости и закона?

«Нет, – отвечал я себе. – Здесь нет и не может быть ничего общего с учением Христа. Погрязшие в разврате и купающиеся в роскоши отцы церкви возвели свой собственный культ. Он основан на страхе невежественной толпы и кострах инквизиции».

И хотя я тоже сражаюсь под знаменем Иисуса Христа, славя имя его и обращаясь к нему в своих молитвах, на эту войну меня привело отнюдь не религиозное рвение...

Взглянув еще раз на пленников, сидевших на земле, я пошел прочь. Мне было хорошо известно будущее этих людей: большинство попытаются обменять на рыцарей-христиан, за других потребуют выкуп. Судьба остальных была плачевна: их убивали или делали рабами. Сам Янош Хуньяди не поощрял убийство пленных и старался по возможности использовать их более эффективно. Так, например, они занимались обустройством лагеря, рыли выгребные ямы, чистили конюшни и выполняли множество других задач, которыми часто пренебрегали обычные воины.

Пройдя через все поле, я наконец нашел Хуньяди, который разбил свой шатер на месте ставки османского главнокомандующего. Он уже успел снять свои тяжелые доспехи и сейчас прогуливался в удобном походном одеянии, неотлучно сопровождаемый своими мажарскими телохранителями. Заметив меня, воевода подал знак своей охране, и рыцари расступились.

– А вот и наш герой! – Янош похлопал меня по плечу, затем, обратив внимание на треснувший нагрудник, добавил:

– Жаркая сегодня вышла схватка, не так ли?

– Турки – прирожденные наездники, – ответил я, вспоминая страшные мгновения битвы. – Их кони быстры, а стрелы разят без промаха. Я потерял половину своего отряда.

– И все же ты и твои люди показали себя блестяще, – одобрительно кивнул Янош Хуньяди. – Все произошло в точности так, как я задумал. Их конницу нужно было нейтрализовать любой ценой, ты, надеюсь, и сам это понимаешь.

К своему сожалению, я понимал это лучше других, ибо знал, что веду своих людей на смерть. Нам предстояло совершить невозможное – сковать легкую конницу турок и не допускать ее к месту сражения. Для этого я разбил все свои силы – две с половиной сотни бойцов – на небольшие отряды по сорок – шестьдесят человек, доверив их проверенным в боях людям. Нанося стремительные удары, которые Джакобо называл змеиными бросками, мы так же стремительно удалялись, вынуждая турок постоянно отвлекаться на свой тыл. После двух часов такой игры в кошки-мышки люди с трудом держались в седлах, а кони уже не развивали нужной быстроты бега, однако, несмотря на потери, задача была выполнена.

В не меньшей степени Янош Хуньяди был доволен и собой, ведь он единственный, кто настаивал на том, чтобы дать туркам открытый бой, в то время как остальные предлагали отступить в Ниш. К счастью, король Владислав поддержал позицию Хуньяди, и после этого все споры утихли.

– Турки быстро учатся на своих ошибках и наверняка извлекут урок из этого поражения, – сказал воевода, поглядывая на усеянное трупами поле. – Легких побед впредь ожидать не стоит. Впрочем, крупных сражений, на мой взгляд, не предвидится вплоть до самой Софии. Полагаю, османы попытаются закрепиться там.

– Стены Софии крепки, и турки не сдадут город без боя, – заметил я. – Осада может затянуться до зимы, а это губительно для нашей армии. Неужели ты надеешься занять город до холодов?

Янош посмотрел на меня с легкой улыбкой – в любой ситуации у него всегда был наготове план действий, и на этот раз он сказал с полной уверенностью:

– Мы будем в Софии еще до начала декабря.

Я не стал высказывать свои сомнения вслух, хотя и не мог разделить подобной уверенности. Путь до города был неблизким, да и турки, хотя они и разбиты наголову, все еще могли оказать серьезное сопротивление. Однако я верил в талант своего воеводы и поэтому убеждал себя, что все будет именно так, как он сказал.

– Есть еще одно, о чем ты должен знать, – произнес я. – Сегодня во время сражения я видел Ису.

Триумфальная улыбка тут же сползла с лица Яноша Хуньяди.

– Где ты его видел? – не глядя в мою сторону, спросил он.

– Неподалеку от места сражения. Он возглавлял отряд сипахов, – я запнулся, воскрешая в памяти недавние события. – Впрочем, был там еще чернобородый воин, к которому Иса относился с большим почтением.

Хуньяди разгладил усы, и его лицо немного просветлело.

– Забудь обо всем, что ты видел, – посоветовал он мне. – И не смей никому рассказывать об этом случае.

Я кивнул, сознавая, что, если не буду следить за языком, воевода может запросто лишить меня и языка, и жизни.

В этот момент из-за пригорка появилось несколько всадников. Впереди ехал статный юноша лет двадцати. Я быстро узнал в нем короля Владислава. Он скакал в отливающих серебром латных доспехах на белоснежном жеребце в сопровождении эскорта из дюжины знатных рыцарей, которые двигались чуть позади него.

Охрана Хуньяди почтительно расступилась, пропуская короля.

– Прекрасная победа, Янош! Этот день войдет в историю крестовых походов! – торжественно воскликнул Владислав. Его лицо светилось от радости. – Передай войскам от моего имени, что сегодня они заслужили отдых. Пусть сейчас же достанут бочки лучшего вина и накормят солдат до отвала. Я хочу, чтобы в будущих битвах они проявили такую же стойкость духа и верность святому делу, которому присягнули, отправляясь в этот поход.

– Ваше Величество, – поклонившись, воевода обратился к королю. – Я хотел бы переговорить с вами относительно дальнейших наших действий. Следует решить ряд важных вопросов...

– Сегодня никаких военных советов, Янош, умоляю тебя. – Владислав изобразил несчастный вид. – Пусть твои грандиозные планы подождут до завтра, когда рутина похода вновь возьмет свое, а сегодня я приказываю праздновать победу так, чтобы сам султан, сидя в Адрианополе, услышал победные крики нашей доблестной армии и затрясся от злобы!

– Как прикажете. – Янош смотрел на молодого короля, и в его глазах читалась отеческая забота. – Я забыл поздравить вас, ведь это был ваш первый серьезный бой, и вы достойно показали себя во время сражения.

Владислав усмехнулся.

– На моем счету нет ни одного убитого турка, – разочарованно сказал он. – Если бы ты позволил мне вмешаться в битву на час раньше, то убедился бы, что подаренный тобой клинок я ношу не только для красоты.

– Я не хотел подвергать вашу жизнь опасности, – произнес воевода. – Безопасности короля следует уделять повышенное внимание. Каждый солдат в моей армии с радостью пожертвует жизнью ради вас.

– Я тоже солдат крестовой армии! – резонно заметил Владислав. – И не хочу, чтобы моя корона давала какие-либо привилегии на поле брани.

– Обещаю, что в следующий раз вы сможете принять в битве самое непосредственное участие, – спокойно промолвил Хуньяди. – Все же чрезмерно рисковать тоже ни к чему. Ваша жизнь намного ценнее жизней каждого из нас, и, если вы пострадаете, боевой дух армии упадет, а успех нашего дела окажется под угрозой.

Король задумчиво посмотрел на воеводу.

– Я, конечно, ценю твою заботу, но не следует переоценивать опасность. Меня охраняют лучшие рыцари Европы, и я не собираюсь отсиживаться в тылу. Мои люди должны видеть, что их король бьется плечом к плечу рядом с ними!

Конь Владислава зафыркал, словно поддерживая слова своего господина, а король в свою очередь ласково похлопал того по шее.

– Вы вольны поступать так, как считаете нужным, – вздохнул воевода. – Я не могу указывать вам, что следует делать.

– Верно, – усмехнулся Владислав, радуясь, что смог одержать победу в этом споре. – Не можешь. Я ценю твои советы, но оставь мне возможность принимать собственные решения. Солдаты должны видеть во мне предводителя и верить в меня, а твоя слава затмит любого.

На это Хуньяди нашел что возразить.

– Я всего лишь верный вассал Вашего Величества, и едва ли история вспомнит мое скромное имя. Но у вас впереди великое будущее и великая цель. Ваше имя будут помнить еще многие поколения благодарных потомков. Но я прошу помнить об уроках, которые давал. Поверьте, благоразумие не есть трусость, а храбрость не выражается в опрометчивых поступках. Путь к успеху лежит через осторожность, а неоправданный риск может погубить дело. Мы ведем войну, тут важен холодный расчет и трезвый взгляд. Ничто не должно затуманивать ваш рассудок и отвлекать от главной задачи – победы над врагом. Научитесь контролировать свои эмоции, и перед вами склонятся могущественнейшие из монархов. Недаром ведь говорят, что власть над собой – высшая власть.

Владислав задумался над словами воеводы. Похоже, что события, происходившие с ним в прошлом, все-таки научили его прислушиваться к мудрости своего преданного вассала.

– Я приму это сведению, – после непродолжительной паузы изрек Владислав. – Сейчас мне пора ехать, вечером прибудет большая делегация из Ниша, вероятно, будут благодарить нас за то, что мы спасли их город от турок. Ты будешь присутствовать?

– Разумеется. У меня есть к ним пара просьб, которые, я надеюсь, они выполнят хотя бы из чувства благодарности к своим спасителям, – говоря это, Хуньяди то и дело поглядывал в сторону городских стен, над которыми реяли знамена венгерского короля и трансильванского воеводы. Таким образом местный князь старался выразить всемерную поддержку крестовому походу, но по взгляду воеводы я понял, что он рассчитывает на более существенную помощь.

– Вот и славно, – Владислав бросил на меня короткий взгляд и снова обратился к воеводе. – Тогда до вечера.

Развернув и прищпорив коня, король удалился в сопровождении своего эскорта.

Янош проводил всадников долгим взглядом и озабоченно вздохнул, скрестив руки на груди. Я не хотел мешать его раздумьям и молча стоял рядом, улавливая легкое дуновение свежего осеннего ветра, что приносил немыслимое облегчение после удушливого смрада недавней битвы.

Наконец воевода прервал затянувшееся молчание.

– Что ты думаешь о нашем короле, Константин? – как бы невзначай спросил он.

Я не знал, что именно хочет услышать от меня Хуньяди.

– Всякого влечет своя страсть, – пожал плечами я. – Для Владислава это было первое крупное сражение, и он одержал в нем блистательную победу. Этот успех пьянит и запросто может вскружить ему голову, а молодость и темперамент короля только подливают масла в этот огонь.

– Ты говоришь так, будто хорошо знаком с ним, – усмехнулся Хуньяди.

– Нет, но я хорошо помню себя в его годы, когда мне пришлось выдержать свой первый серьезный бой. Ты тоже должен помнить тот день. Ведь тогда у реки Сава погибло много людей с обеих сторон...

– Я помню, – тихо произнес Хуньяди, глядя куда-то вдаль. – Турки готовили западню и атаковали стремительно – из густого тумана, так что не сразу удалось разобрать, где свои, а где чужие. В результате весь авангард был уничтожен, но тебе каким-то чудом удалось выжить...

– Господь милосерден к глупцам, – пожал плечами я.

– Можно ли объяснить твоё спасение только этим?

Я заметил искорки подозрения в глазах воеводы.

– У меня нет для тебя другого ответа. Но ты хотел узнать, что я думаю о Владиславе? Так вот слушай, ибо я знаю, что за огонь пожирает его душу.

Помолчав немного, я продолжил:

– В тот день, когда турки набросились на нас подобно диким зверям, я едва ли был старше нашего короля и еще не успел отличиться в бою. И хотя страх сковал мою душу, я сражался с яростью загнанного волка, и враги один за другим падали под разящими ударами моего клинка. Из моих товарищей не уцелел никто. Они были намного лучше, сильнее и опытнее меня, но это их не спасло. Как и я, они не верили, что их земной путь может оборваться вот так, в единый миг. Мы еще не умели ценить человеческую жизнь, а наши сердца не ведали боли утрат.

Именно тогда я впервые увидел этот отвратительный лик смерти, и душу мою пронзил ледяной ужас. Многое во мне изменилось с тех пор. Я научился ценить каждый дарованный мне день, и стараюсь наполнить его смыслом, чтобы в час своего конца не сожалеть о минувшем.

Похоже, воеводу заинтересовал мой рассказ, поэтому я продолжил:

– Даже будучи королем, Владислав остается обычным человеком со своими страстями и слабостями. В нем я вижу себя каких-то пять-шесть лет назад – двадцатилетнего юношу, энергичного, гордого, честолюбивого и бесстрашного. Он так же, как и я в его годы, презирает смерть, а еще больше – трусость. Голос разума не может заглушить в нем все эти чувства, лишь зрелость и опыт смогут изменить его.

Янош Хуньяди выслушал меня и некоторое время размышлял над сказанным. Наконец он проговорил:

– Да, ты все понял верно. Владислав слишком молод и горяч, чтобы оценить опасности, которые окружают его в этом походе. Но это далеко не все...

Хуньяди посмотрел на своих телохранителей и, приказав им ждать его возвращения, предложил мне пройти. Мы миновали несколько групп христианских рыцарей, которые шумно отмечали минувшую победу. Им, похоже, уже выдали обещанное королем вино, и теперь они поочередно славил имена святых, что покровительствовали им в этом походе. Лишь удалившись на почтительное расстояние, где не было ни единой живой души, воевода спросил:

– Ты знаешь, почему Владислав отправился в этот поход?

– Вероятно, по настоянию папы римского, – ответил я. Это был самый очевидный ответ из всех возможных.

– И да, и нет, – покачал головой Хуньяди. – Видишь ли, венгерскую корону Владислав получил при условии, что он окажет всестороннюю поддержку крестовому походу.

– Война религиозная – всего лишь прикрытие для политических интересов. Это всем хорошо известно, – пожал я плечами.

– Но только не для Владислава, – произнес воевода, поднимая указательный палец к небу. – Во-первых, церковь серьезно занималась воспитанием нашего короля, и сейчас он, пожалуй, действительно верит, что наш поход санкционирован самими небесами, и едва ли допускает в свое сердце сомнения на этот счет. В этой мысли его не устает укреплять кардинал Чезарини, который больше полагается на силу молитв, чем на сталь меча.

По лицу воеводы пробежала недобрая тень, и лишь затем он продолжил:

– Во-вторых, для Владислава этот поход – лучший способ доказать, что он достоин короны, которую носит. Ведь борьба за венгерский престол еще не окончена, и очень многие желали бы видеть на троне другого представителя рода Ягеллонов. Но Владислав считает себя выше этих политических дрызг и не стремится к борьбе за власть. Больше всего он мечтает прославить свое имя, превзойти в этом своих великих предков и тех, кто живет ныне. Помыслы его чисты, но в этом и заключается его слабость... Он совсем не ценит собственной жизни.

Янош потер подбородок и продолжил:

– Пока Владислав наслаждается плодами своего триумфа, мы должны подумать над тем, как обеспечить ему безопасность.

– Короля и так охраняют день и ночь, – возразил я. – Он не пьет, не ест и не надевает ничего, что не было бы как следует проверено его слугами.

– Нет, – оборвал меня воевода. – Я хочу, чтобы кто-то защищал его во время сражения. Следил за ним, давал советы, если нужно. На поле боя мне сделать это будет трудно, сам понимаешь.

Заложив руки за спину, Хуньяди добавил:

– Его жизнь дорога мне, как своя, и доверить ее защиту я могу только проверенным людям, – он посмотрел на меня.

Я быстро понял, к чему клонит воевода.

– Ты хочешь, чтобы я охранял Владислава во время сражения? Это безумие! Меня никогда в жизни не подпустят к королю!

– Речь не идет, чтобы охранять его мечом, – спокойно сказал Янош Хуньяди. – Я просто хочу, чтобы ты следил за ним и не давал ему совершать самоубийственных поступков.

– Король не станет слушать меня! Кто я такой?

– Герой многих сражений, – без тени насмешки сказала Хуньяди. – Я уже рассказывал королю о твоих успехах. Напомню ему еще раз, если нужно.

Венгр бросил на меня хитрый взгляд и добавил:

– К тому же в королевской гвардии и так часто говорят о тебе после того случая с их командиром.

– Какого случая? – удивился я.

– Не прикидывайся. – усмехнулся Хуньяди. – Ты ведь не каждый день ломаешь людям челюсть? А тот здоровяк пришел в себя только под вечер.

– Надеюсь, с ним все в порядке? – спросил я, с сожалением вспоминая подробности того конфликта.

– Жить будет, – ответил Янош, а затем лукаво подмигнул. – Заодно и словечко перед королем замолвит.

После воевода подошел и, ткнув пальцем мне в грудь, добавил:

– Завоюй его доверие, как ты однажды завоевал мое.

Тот разговор я запомнил очень хорошо.

* * *

8 октября 1443 года

Через два дня после битвы наша армия, пополненная добровольцами и провиантом из Ниша и близлежащих деревень, вновь двинулась в путь. Надо отметить, что Яношу Хуньяди пришлось приложить немалые усилия, чтобы уговорить жителей пожертвовать часть своих припасов для армии, а кое-что из провизии нам даже пришлось закупить.

– Где же ваше христианское благочестие?! – кричал воевода, с печалью наблюдая за тем, как пустеет его казна. – Как можно устанавливать такие грабительские цены для тех, кто пришел вас защищать?

– Тебе не кажется, – аккуратно заметил я, – что у местных крестьян и без того едва хватает провизии? А ведь впереди зима...

– Не говори чепухи! – отмахнулся от меня воевода. – Турки давно прогнали отсюда всех церковников, а значит, не осталось никого, кто мог бы грабить местных крестьян.

Воевода огляделся, нет ли поблизости кардинала Чезарини.

– Пока сюда не пожаловали епископы, местным не грозит голодная смерть. А у меня за спиной двадцать пять тысяч ртов! Некоторые-то и в поход этот отправились только для того, чтобы наконец набить себе брюхо!

Возмущенный наглостью местных купцов и феодалов, считающих возможным наживаться на крестоносцах, Хуньяди без зазрения совести объявил, что все беглые крестьяне, скрывающиеся от своих хозяев в окрестных лесах, вполне могут рассчитывать на защиту и полное прощение, если вступят в его армию. После этого под знамена Владислава встали по меньшей мере две тысячи здоровых мужчин, которые имели весьма темное прошлое и едва ли походили на добропорядочных христиан, мечтающих умереть во имя благой цели. Увидев среди добровольцев множество беглых, воров, мошенников и даже убийц, местные князья потребовали немедленно выдать их правосудию, однако Хуньяди не стал их слушать, в конце концов, за участие в походе каждый крестоносец был вправе рассчитывать на отпущение всех прошлых грехов. Спорить с категорическим ответом венгерского предводителя, за спиной которого стояло двадцать пять тысяч вооруженных воинов, никто не стал. Поэтому очень скоро мы продолжили двигаться на восток, освобождая от турок все новые территории.

Местные жители встречали нас восторженно. Они устали от долгих лет османского ига и были рады видеть воинов-христиан на порогах своих домов.

Несмотря на то что в некоторых местах турки продолжали оказывать ожесточенное сопротивление, пока еще ни один город нам не приходилось брать штурмом – горожане сами открывали ворота и впускали наши войска.

За неделю не произошло ни одного крупного сражения, видимо, турки так и не смогли собрать новую армию или, наученные горьким опытом, просто не решались завязать очередной бой.

Столь успешное начало похода вселяет в меня уверенность, что мы устраним любую преграду на своем пути!

* * *

10 октября 1443 года

Всего через неделю после битвы у Ниша мы вышли на границу с Болгарией, захватив последний крупный сербский город – Пирот. Теперь дорога на Софию была открыта. От болгарской столицы нас отделяет чуть больше пятидесяти миль, а про османскую армию по-прежнему ничего не слышно. Больше препятствий на нашем пути нет, и все верят, что взятие Софии – всего лишь вопрос времени...

* * *

19 ноября 1443 года

Мы стоим под стенами Софии.

Остался последний рывок, и одна из целей нашего похода будет достигнута!

Внимательно осмотрев высокие неприступные стены, я с уверенностью заключил, что с ходу взять город не получится. Похоже, турки пришли к точно такому же выводу. Они наглухо закрыли ворота и, судя по всему, готовятся к затяжной обороне.

Штурм будет стоить нам многих жизней, а осада займет много времени.

Когда кольцо вокруг Софии сомкнулось, Янош Хуньяди отправил в город посла с предложением к османскому наместнику сдать город миром. Ему и его людям была обещана жизнь, а также возможность свободно покинуть Софию.

Через пару часов был получен ответ. Наместник наотрез отказался сдаваться и пригрозил крестоносцам, что, если они попытаются штурмовать город, он прикажет сжечь Софию дотла вместе с жителями, и тогда христианам достанутся лишь зола и обугленные головешки.

Ответ турецкого наместника вызвал новые споры среди командиров. Одни полагали, что турки не решатся поджечь город, а значит, нужно немедленно готовиться к штурму. Другие высказывались более осторожно и предлагали для начала разузнать, что сейчас происходит в городе.

Янош Хуньяди внимательно выслушал мнения офицеров, однако сам говорил мало, и я начинал догадываться, что он вынашивает собственный план взятия города. После битвы у Ниша прошло больше двух недель, и с тех пор мы с ним почти не разговаривали. Каждый был поглощен выполнением собственной задачи: воевода занимался делами армии, день и ночь просиживал за отчетами и принимал различные депутации, в том числе весьма подозрительные... Впрочем, я старался не обращать на это внимания, ибо верил, что все затеянное им в итоге приведет нас к победе.

И вот София была перед нами. Мы не сомневались в силе собственной армии и были полны решимости идти на штурм в любое время. Стоило лишь отдать приказ.

– Привести войска в боевую готовность, – коротко произнес Хуньяди, когда прочие офицеры выдохлись от длительных споров. – Пусть ожидают моих распоряжений.

Когда участники собрания разошлись, уже начало смеркаться, и многие полагали, что воевода планирует ночной штурм, однако мне показалось, что Хуньяди задумал нечто иное.

Примерно через час, когда ночь окончательно вступила в свои права, лагерь крестоносцев пришел в движение. Воевода как никто другой знал о плохой организации христианской армии, в которой число профессиональных солдат составляло не больше половины, да и те были собраны с разных концов Европы и признавали лишь своих командиров. Поэтому он решил использовать только те части, на которые мог полностью положиться. Прежде всего это были закаленные в боях ветераны, которые воевали с ним против турок еще в Семендрии и Германштадте, когда звезда трансильванского воеводы только всходила на небосклоне мировой истории. По своим боевым качествам, а главное – дисциплине, эти отряды выгодно отличались от остального войска. Хуньяди решил задействовать в атаке на город около восьми тысяч человек. Остальным был отдан приказ ждать дальнейших распоряжений.

Для меня было непонятно: зачем бросать на штурм лучших солдат, ведь очевидно, что первая волна атакующих несет самые тяжелые потери. Однако я знал, что Янош Хуньяди никогда не совершает необдуманных поступков. Только не на войне.

Мой небольшой отряд также был избран для ночной операции. Две сотни всадников, облаченные в тяжелые доспехи, заняли свои позиции и дожидались моих приказов. Я не знал всех деталей предстоящего задания и понимал, что, возможно, посылаю своих людей на верную гибель. Но как любит повторять Джакобо: «Войны без жертв не бывает, и любая победа неизменно оплачивается кровью».

Стояла глубокая ночь. Редкие облака проносились над спящим городом, молодой полумесяц освещал голубоватым сиянием стены и башни болгарской столицы. В этот поздний час Янош Хуньяди призвал к себе всех командиров, задействованных в предстоящем штурме. Мы прибыли в ставку главнокомандующего, которая располагалась на небольшом холме прямо напротив городских ворот. Войско, уже готовое к наступлению, находилось чуть дальше и скрывалось в покрытой туманом низине, чтобы противник не успел заметить приготовлений к штурму.

Хуньяди сидел верхом на огромном широкогрудом жеребце и внимательно вглядывался в ночную тьму. Мне показалось, он пытается разглядеть что-то на стенах города. Когда все командиры собрались на холме, он обернулся к ним и проговорил:

– По моему знаку начинайте! – бросив эту фразу, воевода вновь устремил свой взор на стены.

Все вокруг стихло, ни одного звука не доносилось ни с нашей стороны, ни со стороны безмятежно дремавшего города. Только холодный осенний ветер чуть слышно шумел опавшей листвой, развевая наши знамена и флаги.

Время шло. Напряжение нарастало с каждой минутой, но воевода, подобно каменному изваянию, по-прежнему сидел неподвижно и, не отрываясь, глядел в сторону Софии, точно надеясь разрушить стены города одним лишь своим взглядом. Следуя его примеру, все командиры застыли на месте и боялись даже пошевелиться, полагая, видимо, что это может расстроить все замыслы их командира.

Я тоже неотрывно наблюдал за городом, хотя и не знал, какой сигнал ожидает получить Хуньяди. Спустя еще примерно полчаса, когда нервы у всех были и вовсе на пределе, я заметил на одной из башен Софии слабый огонек, который двигался то вправо, то влево – видимо, какой-то человек размахивал зажженным факелом. Вскоре условный знак заметили все, и обстановка немного разрядилась, однако Хуньяди продолжал ждать, не выказывая никаких эмоций и не двигаясь с места. Генералы были немного озадачены таким поведением воеводы, однако вскоре огонь вспыхнул и на другой башне.

Тогда Янош Хуньяди глубоко вздохнул и отер пот со лба. Похоже, за непроницаемой маской в эти минуты скрывалась целая буря эмоций.

– Начинайте, – хрипло произнес он, и командиры тут же бросились к своим отрядам.

Через несколько минут армия крестоносцев пришла в движение, и вскоре я увидел, как по полю маршируют отряды закованных в броню латников, следом за которыми выдвигалась легкая пехота и лучники.

Крестоносцы были разбиты на штурмовые отряды по три-четыре сотни человек в каждом. Атакующие двигались организованным строем, стараясь производить как можно меньше шума. При этом я заметил, что никакой осадной техники у них не было. Когда передовые отряды оказались почти у самых стен города, ворота Софии, словно по мановению Божьей десницы, открылись и нападающие устремились внутрь.

Османь явно не ожидали такого предательства. В городе была объявлена тревога, и до нас долетел отдаленный шум сражения. Однако битва была недолгой, и вскоре мы увидели, как повсюду спускаются зеленые флаги с полумесяцем, а на их месте водружают знамена с изображением креста. Звон мечей стал постепенно уступать победному кличу наших солдат.

Когда на востоке забрезжил рассвет, город уже был в наших руках.

Глава 7

Францис

Ноябрь 1443 года. Константинополь

Appetit finis, ubi incrementa consumpta sunt.

(Если рост прекратился, близится конец)

Сенека

Долгие столетия Восточная Римская империя приходила в упадок. Кондотьеры и завоеватели вторгались в пределы страны с грабительскими набегами, а измученные нуждой крестьяне поднимали одно восстание за другим.

После захвата и разграбления Константинополя крестоносцами в 1204 году на его руинах была создана Латинская империя, а остальная территория государства была поделена между небольшими княжествами. Император ромеев и его двор нашли себе прибежище в Никее²⁸. В течение следующих шестидесяти лет Ромейская держава фактически прекратила свое существование. И вот в 1261 году ворота Константинополя вновь открылись перед православным императором. Им стал Михаил Палеолог, положивший начало новой правящей династии.

Михаил был умен и энергичен. Бросив взгляд на разоренную латинянами столицу и голодные глаза своих подданных, он тут же приступил к бурной деятельности. Были заключены новые торговые соглашения, восстановлены города, отстроены крепости. Жизнь понемногу начинала налаживаться.

Но несмотря на возвращение государя, империя так и не смогла восстановить своего прежнего влияния. На западе давно провозгласили свою независимость ее бывшие вассалы – Сербское и Болгарское королевства, в Анатолии боролись за власть турецкие бейлики и монгольские завоеватели. Многочисленные венецианские и генуэзские колонии прибрали к рукам всю морскую торговлю. Одна из таких колоний, Галата, раскинулась прямо напротив Константинополя, словно символизируя могущество и силу итальянских республик, которые отныне властвовали в Средиземном море.

Несмотря на эти трудности, Михаил Палеолог оказался мудрым правителем и приложил немалые усилия для укрепления страны. Окруженная со всех сторон врагами, империя все-таки смогла выстоять и начать новый этап своей истории. Казалось, что возрожденное Ромей-

²⁸ Никея – город в Малой Азии (ныне турецкий Изник). Для византийцев этот город имел не только важное политическое, но и духовное значение. Именно здесь в 325 году н. э. состоялся первый Вселенский собор, на котором был принят Символ веры (т.е. краткое изложение основных догматов христианской церкви).

ское государство снова станет доминирующей державой на Востоке, а Константинополь вновь, как и в прежние времена, будет блистать своей роскошью.

Однако главные испытания были еще впереди.

Михаил умер в венце своей славы, а последовавшие за его смертью бесчисленные восстания и гражданские войны быстро истощили воссозданное им государство. Сопредельные державы только и ждали удобного случая, чтобы оторвать кусок от агонизирующей империи. Палеологи старались всеми силами укрепить власть в стране, однако даже между собой представители династии не могли достигнуть согласия. Междоусобные войны и дворцовые перевороты стали обычным делом. Спустя несколько десятилетий в империю из Европы была завезена страшная болезнь – «черная смерть», которая опустошила целые города, а трупы людей оставались гнить под солнцем, потому что некому было предать их земле.

Стоны и плач разносились по Ромее, но это было только началом наших бед.

Верно подметил один римский поэт: *«Что бы ни творили сумасбродные цари – страдают ахейцы»*²⁹.

Из-за чудовищного неравенства по стране прокатились многочисленные бунты. Пока алчные чиновники и купцы набивали карманы, большая часть населения страны жила в нищете, истощенная непомерными податями. Многие крестьяне, отчаявшись добиться справедливости, забирали свое нехитрое имущество и отправлялись на поиски лучшей жизни. Отныне некому было вспахивать заброшенные поля, которые быстро прорастали сорной травой или переходили в руки оборотистым иностранцам, выкупавшим землю за бесценок для своих нужд.

К моменту вторжения турок в середине 14-го столетия империя была не в состоянии оказать сколько-нибудь значительного сопротивления, и вскоре под властью османских завоевателей оказалась большая часть ее земель, а само государство ромеев превратилось в данника турецкого султана. История не знала подобного унижения со времен завоевания Рима ордами варваров!

Однако таков закон времени: на место старому всегда приходит что-то новое. Любое государство развивается подобно живому организму: рождается, растет, крепнет, затем наступает период зрелости, за которым следуют неизбежные старение и смерть.

Восточная Римская империя просуществовала более тысячи лет и по праву может считаться долгожителем. Но ничто не длится вечно...

* * *

В последние дни осени 1443 года в Константинополь вернулся царевич Феодор.

Царевич вступал в город подобно победителю – по дороге, усеянной лепестками роз, под звон колоколов и радостные возгласы толпы. Особенно радовались противники церковной унии. Наиболее вероятный претендент на престол уже не скрывал, что после смерти Иоанна разорвет постыдное соглашение с католической церковью.

Сам Марк Эфесский вышел встречать Феодора, а тот, спрыгнув с коня, преклонил колени перед митрополитом, выражая тем свое глубочайшее почтение. Увидев это, толпа разразилась еще большим восторгом.

– Да здравствует Феодор! – кричали горожане.

– Веди нас за собой! – отзывались другие.

Я смотрел на это помешательство с большой тревогой. Царевич Феодор, который за долгие годы проявил себя как слабый и никчемный правитель, теперь превратился в любимца толпы. Люди были готовы обожать его только за то, что он ненавидит латинян точно так же, как и они!

²⁹ Гораций, «Послания» I, 2, 14.

А позади царевича, разделяя всеобщее ликование, стояли его верные сторонники – вооруженные, снабженные деньгами и озлобленные на императора. Им было нечего терять, и они прибыли в город лишь с одной целью – надеть на Феодора корону василевса.

Я надвинул капюшон и поспешил во дворец – император должен выслушать меня, иначе его жизни грозит опасность!

– Георгий, ты что здесь делаешь? – Из толпы ко мне протиснулся крупный широкоплечий мужчина. Это был Андроник, комит императорских конюшен³⁰.

– Пришел посмотреть, что за шум, – я мотнул головой в сторону процессии. – Но теперь спешу во дворец. Извини.

Я уже хотел уходить, но Андроник догнал меня.

– Императора сейчас нет во Влахернах, – сказал он. – Он отправился на службу в Святую Софию.

– Благодарю, – поспешно кивнул я. – Значит, отправлюсь туда.

– погоди! – Андроник замялся, было видно, что он подбирает слова. – Не ходи туда.

– В чем дело? – удивился я. – Почему мне не следует туда ходить?

Он уставился на меня, перебирая губами, но так и не выдал ни слова. Андроник никогда не отличался исключительным умом и получил свою должность лишь потому, что умел ладить с лошадьми. С людьми у него получалось хуже.

– Ты язык проглотил? – я начинал терять терпение.

Сановник замотал головой, а на его лбу выступила испарина. Понимая, что ничего больше вытянуть из него не получится, я пошел прочь, но Андроник вновь догнал меня.

– Георгий... Извини, я несу всякий вздор. Кроме того... Мне тоже нужно в Софию.

Я покачал головой, но спорить с настойчивым конюшим не стало. Мы нашли повозку и, подгоняя кучера, устремились по мощеной камнем дороге. Улицы были немногочисленны, многие лавки закрылись очень рано, а питейные заведения пустовали. Мне было известно, что нынче во всех храмах будет происходить поминовение страшного землетрясения, поразившего Константинополь семь веков назад³¹, и я полагал, что император отправился в Святую Софию именно с этой целью.

Возница высадил нас возле ипподрома, дальнейший путь нам предстояло одолеть пешком. Мы благополучно добрались до площади перед Храмом Святой Софии, но и тут к своему неудовольствию я увидел толпу людей, облаченных в черные мантии – так одевались наиболее агрессивные и ортодоксальные сторонники Марка Эфесского. Они кричали и шумели на все лады. Мне хотелось как можно скорее миновать их, но тут на площади появилась группа венецианских моряков, которые сопровождали богато одетого человека.

– Эй вы! Безбожники! – крикнул один из греков, преграждая дорогу латинянам. – Куда это вы собрались?

– Пошел прочь, собака! – ответил ему предводитель венецианского эскорта. – Если тебе еще жизнь дорога.

– Вы слышали! – воскликнул грек, обращаясь к своим товарищам в черных рясах. – Этот латинянин угрожает нам! Да кто ты такой, чтобы так разговаривать?

За спиной у нарушителя спокойствия уже собралось дюжины две фанатиков, они плевались и проклинали венецианцев, а те в свою очередь потянулись к мечам.

– Пойдем отсюда, Георгий, прошу! – потянул меня за рукав Андроник.

– Нет, погоди. – Я решил посмотреть, чем все это закончится.

³⁰ Должность главного дворцового конюшего.

³¹ В 740 году в Константинополе произошло страшное землетрясение. В память об этом событии установлено общецерковное молитвенное воспоминание.

Обстановка накалилась очень быстро. Один из моряков выхватил аркебузу и выстрелил над головой столпившихся греков. Те от страха закрыли головы руками, кто-то бросился наутек, а венецианцы, сомкнув строй, устремились прямо на них. Избивая и отталкивая людей, они расчищали себе дорогу в порт, однако очень скоро греки пришли в себя и стали отвечать ударами на удар. Они хватали латинян, вытаскивали по одному из строя, валили их на землю, били ногами. Кто-то притащил палки, и избиение приобрело новую силу.

Озверевшие венецианцы потеряли остатки терпения и выхватили мечи. Сразу несколько греков оказались зарублены на месте. Это охладило толпу, она отступила, а венецианский командир скомандовал своим людям: «Вперед!»

Насмерть перепуганный богач, которого защищали моряки, побросал все свои вещи и бросился к ожидавшему его кораблю. Но на него уже никто не обращал внимания. Площадь перед Софией превратилась в место настоящего сражения. Люди пускали в ход все, что попало под руку, даже каменная брусчатка была разобрана на снаряды.

Я огляделся по сторонам в поисках стражи – но ни одного из них не было поблизости. Куда-то исчез и Андроник.

Проклиная все на свете, я бросился в Храм Святой Софии и к своей удаче увидел нескольких гвардейцев, которые смиренно застыли перед входом в ожидании окончания службы.

– Скорее, за мной! – приказал я. Стражники переглянулись и, не задавая лишних вопросов, выбежали на улицу.

К этому времени мраморные плиты уже были перемазаны кровью, всюду лежали раненые, но свалка продолжалась.

– Именем императора, остановитесь! – кричал я, растаскивая дерущихся, пока гвардейцы пытались навести порядок.

Последнее, что удалось заметить, как один из венецианцев, словно обезумев, набросился на стражника. Затем я почувствовал резкую боль, и весь мир мгновенно погрузился во тьму.

* * *

Я пришел в себя лишь спустя несколько часов. Голова раскалывалась на части, а события минувшего дня казались мне теперь лишь страшным кошмаром. Возле постели сидела моя жена. Ее глаза были заплаканы, но вместе с тем смотрели на меня с трепетом и любовью.

«Георгий», – шептала она, глядя мою руку, и в этот момент, несмотря на дикую боль, я чувствовал умиротворение и покой.

* * *

Окончательно поправиться мне удалось через пару дней. Причиной травмы стал угодивший в голову булыжник. Слава Богу, удар был не настолько сильным, иначе все усилия врачей оказались бы напрасными.

Уже только теперь я узнал все подробности происшествия и то, что произошло после.

Итак, толпа, подогреваемая речами сторонников Марка Эфесского, набросилась на венецианских моряков, которые сопровождали в порт католического епископа. Моряки в ответ применили оружие и убили нескольких нападавших. Убитыми оказались и несколько латинян, включая командира, который, к несчастью, являлся отпрыском одного из знатных венецианских родов.

Император потребовал тщательно разобраться в случившемся, однако ни та, ни другая сторона не согласилась помогать расследованию. Сторонники Марка Эфесского опасались, что Иоанн будет рассматривать дело в угоду латинян, а венецианский наместник в городе заявил, что император ромеев вообще не вправе судить итальянцев и что он самолично определит вину своих земляков.

Напряжение между противниками и сторонниками церковной унии достигло предела, и это чувствуют все: греки, итальянцы, духовенство и сам император. Город напоминает пороховой склад, готовый взорваться в любой момент.

Едва оправившись, я поспешил во дворец. События начинали складываться скверно, и нужно было обо всем предупредить императора.

Я вошел в небольшую комнатку, отделявшую рабочий кабинет василевса от зала ожиданий, и лицом к лицу столкнулся с посетителем, которого только что принимал у себя Иоанн. Им оказался Марк Эфесский – человек замечательных качеств, с которым я был знаком много лет. В самом раннем детстве он лишился матери, и воспитанием его занималась мачеха, которая никогда не питала к своему пасынку теплых чувств. Из-за раздоров в семье он часто сбегал из дома, ища место для успокоения и уединения. Когда он свел знакомство с моими родителями, они отнеслись к нему с большой заботой и вниманием, а вскоре он стал частым гостем в нашем доме. С тех пор мы сблизились и стали почти как братья, однако жизнь определила нам разные поприща, и со временем наша связь ослабела. Даже здесь, в Константинополе, мне редко удавалось встретиться с ним лично, но моя любовь и уважение к этому человеку за все эти годы ничуть не угасли.

Марк был облачен в старую поношенную рясу небесно-голубого цвета и передвигался с большим трудом, постоянно опираясь на палку. Последние годы его мучила жестокая болезнь, вероятно, полученная во время двухлетнего заточения на острове Лемнос. Ему едва перевалило за пятьдесят, а на вид он уже сделался глубоким старцем, и никто не смог бы сказать с уверенностью, сколько ему еще отмерено судьбой. Сейчас он вел борьбу на два фронта: на одном – с неотвратимо приближающейся смертью, на другом – с католиками-унионистами, и, судя по всему, победа над последними имела для него куда более важное значение.

Рядом с Марком шел какой-то монах с удивительно бледной кожей и, что сразу же бросалось в глаза, огромным родимым пятном на левой стороне лица. Монах, проходивший первым, бросил на меня холодный подозрительный взгляд, а вскоре меня заметил и митрополит.

– Как я рад видеть тебя, Георгий! – радостно сказал Марк, заключая меня в крепкие объятия. Затем, повернувшись к монаху, он коротко произнес. – Ступай, Евгений, нам надо поговорить.

Монах склонил голову и безмолвно удалился.

– Мне сообщили о том, что с тобой случилось, – произнес митрополит. – Прости этих людей, Георгий, уверен, они не мыслили дурного.

Я улыбнулся. Марк говорил искренне и, как обычно, не хотел замечать чужие пороки.

– Я стараюсь учить людей добру, но они по простоте своей все понимают не так, как следует, – печально продолжил он. – А ведь я каждый раз говорю, что вражду лишь с латинской церковью, но не с людьми.

– Люди слушают твои речи, но слышат лишь только то, что хотят услышать, – ответил я. – Своим проповедями ты не искоренишь человеческую злобу, но подогреешь смуту, а ведь наше государство слабеет на глазах, и внутренние распри лишь приближают его конец.

– Конец есть у всего сущего, – ответил митрополит словами Вергилия. – Гораздо важнее то, как мы его встретим.

– О чем ты говоришь! – воскликнул я. – Неужели ты полагаешь, что империю уже не спасти?

– Что ты называешь империей? – ответил Марк вопросом на вопрос. – Неужели Константинополь с окрестностями еще можно называть империей?

– Не только, – возразил я. – Ведь империей мы называем и наследие, которое до сих пор хранится в наших сердцах и в памяти. Это история, культура...

– И, безусловно, религия, – тихо произнес Марк.

Я уже начинал понимать, к чему он склоняет наш разговор.

– Ты, как и я, глубоко верующий человек, Георгий, – сказал митрополит. – Только вера твоя совсем иного рода. Ты веришь, что наше государство по-прежнему велико и могущественно. Ты отказываешься осознать факт, что однажды его не станет. Ты веришь, что его еще можно спасти, и готов приложить для этого все силы. Так почему же мне отказывают в возможности защищать то, что дорого мне?

– Никто не ставит тебе преград, Марк! – возразил я. – Но ты должен понимать, что сейчас не самое лучшее время для вражды с латинянами. В конце концов, они такие же христиане, как и мы. У нас общий враг, и нужно объединить усилия для совместной борьбы. Уния – это последняя возможность получить помощь из Европы. Почему нельзя пойти по пути примирения и хотя бы теперь позабыть о былой вражде?

Марк прикрыл глаза и плотно сжал тонкие губы. Время от времени он испытывал страшные боли, которые накатывали подобно волне и отступали столь же внезапно, как появились.

– Когда-то я думал точно так же, – немного поморщившись, сказал он. – Но это было еще до того, как я посетил Флорентийский собор. Там я видел и слышал достаточно, чтобы понять, насколько заблуждался, возлагая надежды на Римскую церковь. Они говорят много красивых слов и притворяются нашими друзьями, но на деле...

Он покачал головой.

– Я знаю, что мои слова вряд ли убедят тебя, однако прошу, выслушай меня, – проговорил Марк с мольбой в голосе. – Уния не принесет пользы нашему народу. Отказавшись от веры отцов, мы, наоборот, потеряем все, что имеем. Латиняне уже давно позабыли, где обитает Бог, они ослепли от своей алчности и погрязли во грехе. Союз с Римом – это не выход.

Указав перстом на дверь императорской приемной, Марк добавил:

– Даже Иоанн признал, что подписанная им уния была ошибкой, и теперь он глубоко раскаивается в содеянном.

– Тем не менее сейчас крестоносцы успешно сражаются против султана, – напомнил я. – Как видишь, на этот раз Рим услышал наши мольбы о помощи. А сейчас мы как никогда нуждаемся в союзниках!

– Ты рассуждаешь, как и положено государственному мужу, – понимающе кивнул митрополит. – Но ты до сих пор не понял, что козни латинян ничем не лучше гнета султана. Последний хотя бы не посягает на нашу веру.

– Да, но это именно он предал Фессалоники мечу! – воскликнул я, не в силах заглушить боль в своем сердце, вызванную страшными воспоминаниями из прошлого. – Это его орды пытались осадить Константинополь и выжигали греческие поселения, уводя людей в рабство! Никто не может знать, какие действия он предпримет в будущем. Быть может, Мурад вновь возжелает завладеть этим городом.

– На все Божья воля, Георгий, – спокойно ответил Марк. – Если Константинополю суждено пасть, мы с тобой не в силах изменить его судьбу. Зачем же утяжелять страдания и сеять раскол среди людей, отдаваясь на откуп папскому престолу? Константинополь должен до конца оставаться оплотом истинной православной веры.

– Ты предлагаешь отказаться от единственной реальной помощи, которую мы можем получить для защиты города! – пытаюсь воззвать к разуму митрополита, проговорил я. – Но иного выбора у нас нет! Ты говоришь мне, что все предопределено и сопротивление ни к чему не приведет. Извини, но я не верю в это! За все в этом мире следует бороться, а за свой дом – в первую очередь. Я готов принести любую жертву ради этого, пусть даже это будет моя собственная жизнь!

Марк посмотрел на меня своими добрыми глазами.

– Послушай меня, Георгий, – вкрадчиво произнес митрополит. – Я предчувствую тяжкие времена и для нашей веры, и для нашего города. И времена эти настанут очень скоро. Но запомни мои слова: мы сможем пройти через все испытания, преодолеть беды и лишения и

снова набрать былую силу только в том случае, если останемся самими собой. Сохранившись как православная нация, мы продолжим путь, который наметили нам наши отцы и деды, и вновь обретем величие. Стены Константинополя – это далеко не все, чем нам надлежит дорожить.

Он положил свою бледную руку мне на грудь и прошептал:

– Сумей сохранить веру в своей душе. Это то, что ни турки, ни латиняне никогда не смогут забрать без твоего позволения, и это однажды вновь возродит наш мир.

Что же, Марк Эфесский был из тех людей, которые умеют заставить других прислушиваться к своим словам, и я молча размышлял над всем, что услышал, пока легкое прикосновение митрополита не вывело меня из этого забытья.

– Государь ожидает тебя, Георгий, – мягко промолвил Марк. – Ступай к нему и помни, что я сказал: не противься тому, что предначертано свыше, но до конца держись своей веры. И не надейся на латинян. Ты увидишь, они не смогут спасти ни наш город, ни наши души.

* * *

Встреча с императором была недолгой, но при этом весьма необычной.

Иоанн выглядел подавленным и усталым. Бесконечные ссоры между его братьями, тяжелое финансовое положение, в котором оказалась империя, неудавшаяся попытка заключить союз с западной церковью – все это тяжело сказывалось на его слабом здоровье.

На годы правления Иоанна пришлось слишком много потрясений, впрочем, то же самое можно было бы сказать о любом правителе из династии Палеологов. Его отец, мудрый и проразливый император Мануил, в течение многих лет сдерживал натиск турок, ведя тонкую дипломатическую игру и раздувая гражданские войны внутри Османской империи, но даже ему не удалось остановить экспансию мусульман.

Иоанну можно было посочувствовать. Будучи далеко не глупым человеком и стремясь лишь ко всеобщему благополучию, он в итоге не смог дать своей стране ничего, кроме нескончаемых смут. Не лучше сложилась и его семейная жизнь. Трижды вступая в брак, он пережил всех своих жен, которые не оставили ему наследника. Императору исполнилось пятьдесят лет, и он был страшно одинок. Лишь только царица-мать всегда была ему единственной надежной опорой.

Когда я прошел в покои василевса, то увидел следующую картину: император, сойдя со своего золотого трона, нервно бродил по зале и с раздражением в голосе отчитывал человека, стоявшего перед ним на коленях. Судя по изорванной и грязной рубахе, собеседник Иоанна успел побывать в какой-то переделке.

Император заметил меня и жестом приказал подойти. Когда я приблизился, то узнал человека, которого прежде принял за оборванца. Им оказался Андроник. Мужчина глядел перед собой, словно нашкодивший ребенок, его широкое лицо было усеяно кровоподтеками, а из густой бороды вырвано несколько ключев.

– Георгий, ты уже не раз выручал меня своим советом, помоги и на этот раз, – обратился ко мне Иоанн с надеждой в голосе.

– Я целиком в вашем распоряжении, государь.

– Ты хорошо знаешь нашего верного и любимого Андроника, – император указал на несчастного вельможу. – Так вот, венецианцы требуют от меня его голову.

Услышанное несколько испугало меня.

– На каком основании?

– Латиняне заявляют, что именно он организовал нападение на епископа, в результате которого погиб один из их офицеров, – император с укором посмотрел на Андроника. – Как видишь, они уже попытались устроить над ним самосуд, однако посланная мной стража успела спасти его от лютой смерти. Но как быть теперь? Венецианцы просто так этого не оставят.

Я задумался. В таком щекотливом деле сложно было найти единственно правильное решение. Венецианцы не прощали обид и слишком сильно влияли на жизнь Константинополя, чтобы оставить их требования без ответа.

– Андроник, – обратился я к сановнику. – Скажи, ты причастен к нападению?

Мужчина поднял на меня испуганные глаза и замотал головой.

– В тот день ты ведь что-то хотел мне сказать. Ведь так?

– Прости, Георгий, я не понимаю, – глухо проговорил Андроник.

Он что-то скрывал и скрывал неумело, однако при императоре я не стал допытываться до правды. Для того еще будет время.

– Андроник должен искупить свою вину, – сказал я после недолгих раздумий. – Однако приговор ему следует вынести от вашего имени и только после тщательного разбирательства. Пусть на суде присутствуют все, кто пожелает, но решать его судьбу должен только император.

– Едва ли венецианцы удовлетворятся этим, – задумчиво проронил Иоанн, поправляя усыпанный самоцветами венец.

– Венецианцы ищут лишь повод, чтобы навязать вам свою волю, – произнес я. – Если суд состоится, они будут вынуждены согласиться с вашим решением.

Император задумчиво поглядел на Андроника, а тот по-прежнему стоял на коленях и ловил каждое наше слово, ибо от этого теперь зависела его жизнь.

– Пожалуй, именно так я и поступлю, – сказал Иоанн, одарив меня снисходительным взглядом. – Ты все слышал, Андроник? Теперь твоя жизнь вне опасности. Однако пока я не улажу это дело, тебе и твоим близким придется пожить во дворце под охраной.

– Спасибо, государь! – Несчастный вельможа, захлебываясь слезами радости, кинулся целовать край императорского платья.

– Благодарю за это не меня, а Георгия, – строго сказал ему император. – И впредь не совершай подобных глупостей.

Андроник бросил на меня полный признательности взгляд и поспешил удалиться через небольшую потайную дверцу, надежно скрытую под тяжелым пурпурным балдахином.

Когда мы остались одни, василевс медленно опустился на трон.

– Как я устал от государственных забот! – проговорил он, закрывая лицо руками. – Вот и ты собираешься покинуть меня, Георгий.

Император лишь недавно узнал, что я собираюсь отправиться в Морею, и эта новость сильно огорчила его.

– Я не стану удерживать тебя, – продолжил Иоанн. – Но обещай, что вернешься, как только твои услуги потребуются в столице.

– Ваша воля – закон для меня, – почтительно промолвил я.

– Ты, конечно, уже слышал о судьбе Димитрия? – как бы невзначай проронил василевс.

– С царевичем что-то приключилось? – спросил я, не понимая толком, о чем говорит государь.

– Он готовил заговор против меня, – пояснил Иоанн. – Лишь по просьбе матери я сохранил ему жизнь. Однако кое-кто из моих людей считает, что к этому делу причастен и Константин.

Испугавшись за жизнь своего господина, я поспешил вступить за него, однако императора меня остановил.

– Не волнуйся, Георгий, я не хуже тебя знаю Константина. Он не опустится до такой подлости. —Иоанн вдруг помрачнел. – Жаль, что я не могу сказать того же о других своих братьях.

При этих словах я вспомнил о Феодоре.

– Государь, – промолвил я. – Несколько дней назад в столицу прибыл царевич Феодор, и в тот же самый день произошло нападение на латинян. Не кажется ли вам это странным?

Император поднял на меня глаза.

– Неужели ты полагаешь, что эти события как-то связаны?

– Не хотелось бы так думать, но я уверен, что с его приездом многие ваши враги почувствуют себя увереннее.

– И кто эти враги? – пожал плечами василевс. – Противники церковной унии? Но я уже давно прекратил их преследование, а Марк Эфесский – один из моих ближайших советников.

– Марк Эфесский тут ни при чем, – попытался объяснить я. – Он искренне верит в то, что делает, но за его спиной стоят люди, которые, прикрываясь именем нашего доброго митрополита, преследуют свои интересы...

– Довольно, Георгий! – Иоанн прервал меня взмахом руки. – Ты уже давно и преданно служишь нашей семье. Тебе доверял мой отец, и я тоже доверяю тебе, но не стоит злоупотреблять моим терпением.

– Государь, я...

– Выслушай, – повелительно промолвил император. – Мои братья уже много лет ведут скрытую борьбу между собой. Каждый из них надеется взять власть в свои руки, когда меня не станет. Я знаю, чью сторону поддерживаешь ты, и потому говорю тебе: не вмешивайся в этот конфликт, он не принесет тебе ничего хорошего.

Иоанн предостерегал меня не напрасно. Видимо, он знал о моих письмах к султану Мураду от имени Константина и переговорах с архонтами, которые я вел, желая заручиться их поддержкой для своего господина.

– Я сделаю все, как вы приказали, – покорно ответил я. – Обещаю, что воздержусь от дворцовых интриг.

Император одобрительно кивнул.

– О Феодоре не беспокойся, он скоро покинет столицу. А теперь можешь идти... Хотя нет, постой.

На несколько секунд в зале повисла тишина. Затем император, кажется, подыскал нужные слова:

– Скажи мне, ты ведь был очень близок с моим отцом... В последние годы, – начал он. – Он делился с тобой мыслями гораздо чаще, чем даже с нами. Скажи, что отец говорил обо мне? Хотел ли он, чтобы я унаследовал престол после него?

Я давно ждал этого вопроса, но до сих пор не знал, что следует ответить. Перед смертью император Мануил подозвал меня к себе и прошептал: «Мой старший сын Иоанн стал бы прекрасным правителем из всех возможных, но не для нынешнего времени. Он замышляет великое, но такое, чего требовали бы более благоприятные времена, а теперь нам требуется иной человек – не василевс, но воин, облеченный императорской властью. К несчастью, Иоанну не под силу это бремя, и боюсь, как бы из-за своих замыслов он не привел Константинополь к гибели».

– Ваш отец всегда гордился вами, – проговорил я, вспоминая лицо покойного императора Мануила – мудрое и одновременно строгое. – Он полагал, что лучшего претендента на престол из его сыновей, да и вообще среди ромеев, подыскать было бы трудно.

– Спасибо тебе, Георгий, – промолвил император, явно приободренный моими словами. Уходя, я заметил на лице василевса некоторое подобие улыбки.

Уважение и признание отца – вот чего всю жизнь добивался Иоанн. Что же, я сказал ему именно то, что он хотел услышать. Остальное императору знать необязательно.

В конце концов, какая польза от правды, если она не принесет никому счастья?

Глава 8

Халиль-паша

Роковое решение

В последнее время великому визирю пришлось провести немало бессонных ночей. Ошибки тех, на кого он так полагался, могли стоить ему очень дорого.

После убийства Хизира во дворце начался настоящий переполох. Халиль поднял на ноги всю дворцовую стражу и пообещал щедрую награду каждому, кто сможет разузнать хоть что-нибудь об этом происшествии. Были допрошены все стражники, дежурившие в тот вечер, а также заключенные из соседних темниц. От последних удалось узнать, что поздно вечером к Хизире заходил какой-то человек, но лица его никто разглядеть не смог. Узнав имена тех, кто должен был нести караул в это время, визирь послал разыскать их, однако ни в караульной, ни в казармах их не было. Сбежать они не могли – Халиль отбирал стражников из своей личной охраны, и каждый из них был безраздельно предан ему. Да и куда им бежать – на стенах дворца день и ночь дежурили бдительные янычары-*балтаджи*, вооруженные секирами и луками. Они наверняка бы заметили чужака, а уж тем более несколько человек, пытавшихся выбраться за пределы сераля.

Пока шли поиски пропавших караульных, новость о таинственном убийстве быстро разлетелась по дворцу и вскоре достигла султанских покоев. Желая понять причину суматохи, Мурад выбежал из опочивальни и в окружении охраны спустился в казематы дворца, где в это время все еще находился Халиль. Великий визирь пытался что-то объяснить султану, однако тот жестом приказал ему замолчать.

– Я доверил тебе жизнь своего сына, а ты даже не смог сберечь жизнь заключенного.

Сердце визиря сжалось от страха, впервые он не знал, что сказать своему владыке. Мурад же пошел осмотреть место преступления. Презрительно глянув на покойника, он что-то тихо прошептал, а затем направился обратно в свои покои, даже не взглянув на подавленного Халиля.

* * *

Прошло несколько дней.

Халиль вновь председательствовал на заседании дивана. Вчера он еще верил, что недовольство султана удастся сгладить хорошими новостями с запада. Он надеялся, что Турахан легко нанесет поражения войскам крестоносцев и освободит захваченные христианами земли, однако сегодня его надежды были разбиты в прах.

– Сражение под Нишем проиграно, – такими словами начал свою речь гонец от Турахана.

Все присутствующие с тревожными лицами уставились на визиря. Он изо всех сил старался сохранять самообладание, хотя внутри все рокотало, словно в жерле вулкана.

«Вину за эти неудачи султан непременно возложит на меня, – рассуждал Халиль. – Очередной козырь в руках моих врагов, и всему виной моя неосмотрительность!»

Тем временем гонец продолжал зачитывать письмо своего командира.

Турахан писал, что его армия совместно с армией Касыма-паши отступает к Софии, оставляя после себя выжженную землю. Однако крестоносцы продвигаются достаточно быстро и, по его словам, вероятно, уже пересекают границу с Болгарией. Османский полководец просил у султана разрешения оставить город с тем, чтобы подготовить войска для новой битвы.

– Это все, что он хотел сообщить нам? – спросил Халиль у гонца.

– Нет. Также он просил вручить вам вот это письмо, – посланник выудил запечатанный документ.

Халиль кивнул слуге, и тот забрал письмо у посыльного.

– Я ознакомлюсь с ним позднее, – сказал визирь. После недолгого молчания он обратился к вельможам, коротко обрисовав сложившуюся ситуацию. – Турахан хочет оставить Софию, сохранив там лишь небольшой гарнизон. Султан вряд ли одобрит эту затею, но все зависит от того, как я представлю ему это дело.

– С вашего позволения, – подал голос Исхак-паша, второй визирь дивана. – Болгарская столица находится всего в двухстах милях от Эдирне, а Хуньяди преодолевал и большие расстояния за считанные недели. Может быть, следует закрепиться там и выиграть время?

– Хуньяди не пойдет на штурм хорошо укрепленного города, в котором засели остатки армии Турахана и Касыма, – рассудил Саруджа-паша, пряча руки в полы теплого кафтана. – Вероятнее всего, он блокирует город и двинется дальше. В таком случае Эдирне окажется под угрозой, потому что собрать новую армию против крестоносцев будет сложно, а из Анатолии подкрепления подойти не успеют.

– Вопрос, сумеет ли Турахан реорганизовать армию и остановить крестоносцев до того, как они явятся сюда, – сказал Исхак-паша.

– Кажется, Хуньяди смогут остановить только холод и сугробы, – недобро усмехнулся Саруджа. – Все мы знаем, с каким непримиримым и хитрым врагом имеем дело. Этот венгр, без сомнения, даст отрубить себе руку, если будет уверен, что второй сможет ухватить нас за горло. И у этого человека сейчас есть только одна цель – Эдирне, поэтому он не станет тратить время на осаду Софии. Либо крестоносцы возьмут этот город сразу, либо двинутся дальше.

– Янош Хуньяди – сильный противник, – согласился Халиль. – Но даже у него не хватит сил на эту авантюру. Оставив позади себя армию Турахана, он отрежет себе путь к отступлению и окажется в западне. Сейчас ему помогает лишь то, что он ведет бои на христианских землях, здесь такой поддержки он получить не сможет. Однако соглашусь, что сейчас рисковать не следует и наша армия в любом случае должна быть неподалеку от столицы. На мой взгляд, следует предложить государю вывести наши основные силы из Софии и занять наиболее выгодные позиции на подступах к Эдирне.

Большинство присутствующих поддержали это предложение, и после обсуждения всех деталей визирь распустил совет. Задержался только его друг и верный помощник – Исхак-паша.

– Тебе удалось что-нибудь разузнать? – осведомился Халиль, когда они остались наедине.

– Тела стражников нашли в одном из подвалов недалеко от темницы, – ответил Исхак. – Им перерезали горло. Свидетелей, разумеется, нет, каких-либо следов обнаружить тоже не удалось.

– Снова концы в воду, – покачал головой Халиль. – Мастерство и дерзость, с которой действуют эти люди, впечатляет. Однако дворец султана – не Амасья, здесь сложно что-либо утаить.

– Мои люди непрерывно ведут расследование, и я доложу, как только узнаю что-нибудь важное.

– Держи меня в курсе всего, а пока постарайся усилить охрану дворца своими лучшими людьми. Я не хочу, чтобы подобные события повторились снова.

Халиль тяжело вздохнул и добавил:

– Нам противостоит кто-то очень влиятельный. Возможно, эти люди даже восседают в совете, поэтому я попрошу тебя пристально следить за каждым пашой, беем или агой, кто так или иначе мог быть связан с недавними убийствами. Особое внимание обрати на Шехабедину. Этот шакал снова вернулся в столицу и явно что-то замышляет,

Исхак-паша внимательно выслушал приказ визиря.

– Постараюсь сделать все, что смогу, – неуверенно сказал он, ибо слова Халиля вселили в него тревогу. – И все же я полагаю, вам следует поделиться своими предположениями с султаном. Все знают, как он доверяет вам, кроме того, вас связывают и родственные узы³².

³² Младший брат Халиля был женат на родной сестре султана.

– Я не могу затевать с ним этот разговор, не имея достаточных доказательств, – объяснил Халиль. – К тому же повелитель больше не доверяет мне. Это целиком моя вина. Чтобы вернуть его бывшее расположение, я должен как можно скорее разобраться в этом деле.

Тут взгляд Халиля упал на нераспечатанное письмо, полученное им от посланника из армии Турахан-бея. Он сломал печать, пробежал глазами по пергаменту. Внезапно глухой стон вырвался из груди визиря, его рука безжизненно опустилась, и письмо выскользнуло из пальцев.

– Кажется, поражение под Нишем станет лишь началом наших бед, – прошептал Халиль пересохшими от волнения губами.

Обеспокоенный состоянием визиря, Исхак нагнулся за письмом.

– Но это не почерк Турахана, – удивился он.

– Это письмо написано рукой моего брата, – сказал великий визирь. – Он регулярно предоставляет мне сведения о походе. Прочитай, что он пишет.

«Отступление нашей армии сопровождается массовым дезертирством», – прочитал Исхак отрывок письма. – Что же, это бич любой армии, тем более что в рядах Турахана сражается много сербов и болгар...

– И албанцев, – неожиданно произнес Халиль. – Не торопись успокаивать меня, просто дочитай письмо до конца.

Исхак выполнил просьбу визиря, а затем вслух прочитал фрагмент, который до дрожи поразил и его самого:

«Подлый предатель Искандер-бей дезертировал прямо из лагеря с небольшим отрядом своих сторонников. К сожалению, преследование закончилось неудачей, и ему удалось скрыться».

Сложив письмо и подавив первое волнение, Исхак воскликнул:

– Это немыслимо! Как у этого человека хватило дерзости так поступить после всех милостей, которыми его осыпал наш государь?

Этот вопрос, казалось, вывел великого визиря из забытья. Усталость в глазах визиря сменилась гневом.

– Хотя Искандер много лет служил в армии султана, но не стоит забывать, что он был сыном албанского князя и попал сюда в качестве заложника! – Визирь сжал кулаки. – Христианам-ренегатам нельзя доверять, я уже не раз говорил об этом султану! Тот, кто предал один раз, непременно предаст снова. Однако повелитель продолжает наделять этих людей все новыми полномочиями и даже делает их визирями! Придет время, когда один из них займет мое место, и когда этот день настанет, власть в стране окончательно перейдет в руки этих безродных выскочек, которые не будут чтить ни наши традиции, ни нашу историю! Во имя собственного честолюбия они будут ввергать страну в новые войны, ради него же станут презирать установленные порядки и обычаи и в конечном счете перестанут считаться даже с властью султана! Боюсь даже представить, во что тогда превратится наша великая империя!

Халиль покачал головой и замолчал. Исхак-паша, его верный друг и второй визирь, также не произносил ни слова. Сейчас он вспоминал, как когда-то, много лет назад, его, малолетнего ребенка, крестили в небольшой церквушке на берегу Эгейского моря. Он помнил, как ровно через год эту церковь сожгли вместе с его родной деревней. В тот день он лишился всего, что имел, но вскоре обрел новый дом и новую веру, а главное – именно тогда у него появился шанс стать тем, кем он был сейчас.

Исхак-паша, правая рука великого визиря могущественной державы, никогда не забывал, кто он и откуда родом. Однако сейчас второй визирь молчал, не решаясь напомнить об этом Халилю. Ведь несмотря на все свои заслуги в глазах османской знати он навсегда останется всего лишь выскочкой и христианским ренегатом, к которому никогда не будет доверия.

* * *

Еще одной головной болью для Халиля был Мехмед. Юный принц наотрез отказывался слушать учителей, которых визирь нанимал для его обучения. Он предпочитал проводить время на тренировочных площадках, где часами упражнялся с мечом, луком и другим оружием. Его привлекало военное искусство, однако иные предметы Мехмед на дух не переносил и желал поскорее избавиться от назойливых преподавателей. Одному из педагогов не поздоровилось, когда тот попытался насильно усадить принца за книги, в результате почтенный улем чуть было не лишился глаза, а в другой раз наследник престола посчитал для себя оскорбительным упрек учителя в непослушании и лени, поэтому решил проучить обидчика, намяв тому бока ножами сабли.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.